

18+

ВЕСЁЛЫЙ РОДЖЕР

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Григорий Родственников

**Весёлый Роджер.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Родственников Г.

Весёлый Роджер. Сборник рассказов / Г. Родственников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675548-2

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** «Весёлый Роджер» — это не просто флаг, это знамя
свободы, мятежа и неудержимой авантюры! Читателя ждут лихие капитаны,
отважные юнги и прекрасные пиратки, зловещие тайны, сокровища испанских
галеонов и разбойничьи клады, предательства и отвага, любовь и измена
и, конечно, море — то ласковое, то яростное, но всегда величественное и
манящее...

ISBN 978-5-00-675548-2

© Родственников Г.
© Издательские решения

Содержание

От составителей	7
Ольга Рудная	8
Алексей Григоров	17
Григорий Родственников	24
Жан-Кристоваль Рене	29
Ленсанна	37
Татьяна Луковская	41
Павел Виноградов	50
Наталья Шипицова	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Весёлый Роджер

Сборник рассказов

Редактор Григорий Родственников
Дизайнер обложки Григорий Родственников
Иллюстратор Григорий Родственников
Иллюстратор Евгений Газизов
Иллюстратор Ольга Рудная
Иллюстратор Вадим Кузнецов
Иллюстратор Марика Становой
Иллюстратор Арсений Баранов
Иллюстратор Николай Лебедев
Иллюстратор Виктор Шипунов

© Григорий Родственников, дизайн обложки, 2025
© Григорий Родственников, иллюстрации, 2025
© Евгений Газизов, иллюстрации, 2025
© Ольга Рудная, иллюстрации, 2025
© Вадим Кузнецов, иллюстрации, 2025
© Марика Становой, иллюстрации, 2025
© Арсений Баранов, иллюстрации, 2025
© Николай Лебедев, иллюстрации, 2025
© Виктор Шипунов, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-5548-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается создателям Литературного Сообщества «ЛЕДИ, ЗАЯЦ & К»
Сергею Кулагину и Дмитрию Зайцеву*

От составителей

Вы держите в руках очередной сборник Литературного Сообщества «Леди, Заяц & К». В него вошли лучшие рассказы с одноимённого конкурса

Чем же так привлекают читателей истории о пиратах? Пираты – это ведь обычные бандиты, но почему-то они нас завораживают. Морская романтика, дух дальних странствий, поиск сокровищ, удаль и авантюризм – вот основные элементы, делающие истории о пиратах такими притягательными. И не случайно наши подписчики проголосовали именно за пиратскую тему конкурса. Потому что под «Весёлым Роджером» нет места скуке – только ветер в парусах, звон монет и вечный зов горизонта, за которым ждут удивительные и опасные приключения.

От черных парусов XVII века до скоростных катеров XXI-го – пиратский дух не меняется: он бунтует, соблазняет и увлекает за собой.

Этот сборник – для тех, кто готов поднять паруса и с головой окунуться в мир фантазии, романтики и невероятных приключений!

Организаторы Сообщества «Леди, Заяц & К» желают вам приятного чтения!

Ольга Рудная ПЛЕТЬ БОГОВ

Иллюстрация Ольги Рудной

Зной. Тяжёлый зной висел над избалованным богами прекрасным городом Сиде. Нежное дуновение с моря угасало сразу за песчаным побережьем, и ни широкие листья пальм, ни ветки старых олив, ни даже пушистые венчики тростника, растущего у Защитной стены, не отзывались на бессильные старания полуденного эфира. Солнце раскаляло до зыбкого марева крыши дворцов и храмов. Нестерпимо блестела полированными гривами мраморная квадрига над Главными Воротами. На цыпочках, шипя ругательства, перебегали обжигающие плиты мощёной дороги босоногие рабы. Возле торговых лавок Агоры, на улице Колоннад и даже на Невольничьем рынке было почти безлюдно. Зной вытеснял всё живое в тень, все дела были отложены до вечерней прохлады.

Под щедрой зеленью кипарисов и пиний лежали одуревшие от жары огромные светлой масти собаки. Худые длинноногие кошки выглядывали из сумрака каменных галерей и снова ныряли в тень. Кошек в городе было много. Кошек здесь любили.

Кошек любили и в большом богатом каменном доме, что выходил торцом к великолепному городскому фонтану – Нимфеуму. Поздним утром в роскошно убранной комнате этого дома, в полумраке закрытых занавесями окон на широкой скамье сидел полный краснолицый мужчина. Широко расставив колени, ссутулившись, он выбирал из чаши, стоящей у ног, вяленые финики, лениво жевал их и выплёвывал косточки в кулак. Два раба за скамьёй мерно работали опахалами, но толстяк всё равно обливался потом, вытирал мокрый загривок ладонью и отирал её о тонкую полотняную тунику. Перед ним, с навощённой дощечкой и острым стилем в руках, стоял на коленях раб-управляющий.

– Этих шестнадцать, что были в сарае у дальней пристани, ты продал на корабли?

– Да, мой господин, уже гребут, – позволил себе пошутить раб.

– А тех полудохлых, что сидели в долговой яме, снова не удалось сбавить?

– Проданы для работы в латрине у арены.

– Да ты молодец! Дерьмо убирать сил у них ещё хватит. Хвалю!

– Благодарю, господин.

– Как там подарок моего брата – тот волосатый северный варвар, клетку ещё не сломал?

Такого бы зверя ланистам показать.

– Он очень сильный, господин, но хромой, ланистам такой не нужен. Я послал сказать в кузнечных мастерских, может возьмут.

– Хорошая мысль. Если купят – предупреди, чтобы хорошо приковывали. Будет снова клетку ломать – дай плетей по рукам. Только не покалечь. – Толстяк погладил растянувшуюся на краю скамьи кошку. Та зевнула и лениво шевельнула хвостом. – А что с девками? Красивые есть?

– Я отобрал шестерых, ждут во дворе, пока вы, господин, сами решите, сгодятся ли.

– Ладно, позже посмотрю, попробую. – Толстяк долго пил воду. – Что слышно из Коракесиона? Караван с рабами вышел?

– На рынке болтают, дня через четыре у нас будут. Пока жара – идут медленно, много мрёт.

– Как придут – купи штук двадцать покрепче и отправь в поместье, пусть масло давят.

О боги, что ж так жарко...

– Старый Суллий говорит – у него с утра колени крутит, значит, завтра к вечеру будет гроза.

– Ну, Сулловы колени врат не будут, – усмехнулся толстяк и запустил косточкой в просвет между занавесом и окном. Косточка запрыгала по раскалённым плитам мощёной дороги.

По раскалённым плитам мощёной дороги, ведущей от Нимфеума к Храмовой Библиотеке и окаймлённой с обеих сторон бесконечным рядом колонн, шагали три девочки лет тринадцати. Юные танцовщицы храма Афины, стройные, в порхающих вокруг ног коротких хитонах, они шли так легко, словно кто-то держал их на ниточках и, как игрушкам, только позволял касаться земли. Две из них шагали почти в такт, третья на ходу подпрыгивала, стараясь не наступать на стыки каменных плит. Иногда невзначай она задевала подруг, то отставая от них, то опережая.

– Эния, ты можешь идти спокойно?

– Я загадала, Нефтис, если до самого портика дойду ни разу не наступив на черту – наставница оставит меня танцовщицей.

– Да оставит, оставит. Подумаешь, накричала, что ты факел уронила. Это самый трудный храмовый танец. Мы все факелы роняли, пока учились. А когда уже с зажжёнными танцевали, знаешь сколько раз обжигались! – девочка машинально потрогала кожу на внутреннем сгибе локтя.

– Но до праздника всего четыре дня! Если буду сбиваться, меня отправят обратно на кухню готовить еду для ритуалов.

– Не отправят. – Третья подруга, Никая, светловолосая, с покрасневшим от солнца личиком, ласково улыбулась. – Я слышала, старшая жрица советовала наставнице поставить тебя в первый ряд. Сказала, боги дали этой девочке талант. Вот и мой брат тебя выбрал для позирования. Он специально приходил посмотреть на нас, ему нужны три натурщицы.

– Это мы?

– Ага. Храм Афродиты в Карию заказал скульптуру своей богини и граций, её спутниц. Богиню будет ваять почтенный Небамеон, а граций – мой брат. Сейчас придём, и он будет наброски делать.

– Твой брат ещё так молод, а уже знаменитый скульптор.

– Да, я горжусь. – Никея польщённо улыбнулась и добавила, чуть нахмурившись: – У меня кроме него никого не осталось после прошлой осени... когда лихорадка...

Девочки понимающе покивали.

– Вон он, мой брат, на верхней галерее, машет нам! Привет, привет, братик!

– Привет! – замахали руками подруги. – Привет, уважаемый мастер Ютис!

Уважаемый мастер Ютис стоял в проёме арки на верхнем этаже Храмовой Библиотеки и шурился, оглядывая родной город. Сердце его пело. Он был счастлив. Он, сын простого каменотёса, с детства надыхавшийся каменной пылью в мастерских, сотню раз сбивавший пальцы отцовским инструментом, изрисовавший все стены в доме набросками гладиаторских боёв, сегодня поставил в Императорском Зале свою новую статую. Он ваял её год. Статуй такого размера делать ему ещё не приходилось. На его счету было много портретных бюстов, барельефов для городских терм и для саркофагов. Но эта статуя Птолемея III Эвергета, бывшего когда-то властителем южной части Анатолии, превосходила размерами всё, что он делал до этого. Теперь он ещё больше уверен в своих силах. Ему всего двадцать два, а слава о нём шагнула далеко за пределы Памфилии. Дар богов, вдохновение и терпение принесли молодому ваятелю известность... ну и деньги, конечно. Учитель, почтенный Небамеон, с гордостью признавал, что ученик уже превзошёл его самого. Эти руки, говорил он, сделают то, чем будут восхищаться люди и через тысячу лет. Ютис посмотрел на свои ладони, белые от вьевшейся алебастровой пыли. Улыбнулся – сделаем? да так, чтобы через тысячу лет?

До самого заката он делал наброски. Девочки танцевали, застывали в изящных позах, садились на скамью, прыгали. Он рисовал угольком на большом куске белого мрамора, прислонённого к стене, исправлял, стирал, рисовал снова. Жара донимала и в мастерской, Ютис время от времени вытирал куском ткани лоб и шею и удивлялся выносливости юных танцовщиц. Мастер видел, что девочки устали, но струйка восторга уже запульсировала где-то у сердца. Ещё чуть-чуть, и он «узрит». Потом, конечно, надо согласовать с учителем, уважаемым Небамеоном, и можно ехать в каменоломни выбирать мрамор.

Заснуть не мог, то подходил со свечой к рисункам на мраморе, то уходил к проёму и всматривался в темноту над городом. Узенький месяц почти не давал света, но мастер и так помнил архитектурный облик своего города. Главные Ворота, огромная ладонь Амфитеатра, сотни колонн вдоль дорог, фонтаны, храмы. Ютис любил этот город, он сам украшал его. Если город сейчас – жемчужина Памфилии, через сотню лет он, пожалуй, сможет бросить вызов самому Риму!

Где-то на небесах горько усмехнулась богиня будущего Антеворта.

Никогда потом этот город не будет таким красивым. Ни через сотню лет, ни через тысячу, ни через две. Будущее будет к нему жестоко. И это «будущее» начнётся уже на рассвете. В штилевом море тихим вёсельных ходом приближалась к побережью флотилия тех, кто нёс только горе, разорение и смерть.

Ютис зевнул, пламя свечи колыхнулось: чуть подул, наконец-то, свежий ветерок. Вдали неторопливо плыли между башнями защитной стены факелы ночного дозора, в тёмном море помигивал чей-то кормовой фонарь.

– Кормовой фонарь-то гаси, капитан Гасст ещё не скоро вернется. Совет капитанов – это тебе не крабам клешни обламывать. – Смуглый горбоносый усач, сидевший на скамье для гребцов, отложил точильный камень, потрогал лезвие клинка и воткнул его в доску рядом с двумя уже наточенными ножами.

– Да поделят сейчас где кому высаживаться – вот и весь совет, — бритоголовый крепыш с татуировкой ската на всю спину сматывал в бухту верёвку, изредка прикладываясь к высушенной тыкве, в которой приятно булькало.

– Хоть бы нашей «Медузе» выпал жребий высадиться у какого-нибудь храма. Там и добыча больше, и народу местного не много.

– А мести богов не боишься?

– Плевать я хотел на их богов. У меня один бог – Митра, – усач достал из-за пазухи амулет на шнурке, поцеловал и снова спрятал.

– Ну-ну, – ухмыльнулся бритоголовый. – В храме-то, ослу понятно, столько можно взять – наша «Медуза» ко дну пойдет. Я смотрю, ты, кальмар кривоногий, три мешка заготовил. И два кошеля ещё через пузо навесил. Ну-ка дай мне один!

– Ага, держи трюм шире! Ты ж верёвки для пленников готовишь – зачем тебе кошель? А мне их, пленных-то, не надо, куда их на нашей посудине девать? Мне бы золота или камней, а то и монет, тут ведь монеты на пол-империи чеканят. От зараза кусачая! – Усач хлопнул себя под мышкой и яростно заскрёб. – Задрали эти блохи хуже крыс.

– Достань вон ведро воды да помойся, – крепыш снова булькнул бутылкой.

– А-а-а, – зевнул и потянулся усач, – моются те, кому лень чесаться. Потом ещё от соли зудеть будет. Да и всё равно, как на берег спрыгнем, весь в грязи и крови уделаешься. Добро-то своё никто просто так не отдаст.

– Заберём! Первый раз, что ли. Только, сам знаешь, потом всё в общую кучу, и моих пленников и твоё золото. Капитан самолично делить будет. Да на «Трезубец» ещё долю отдать придётся, они ж в нашем плавучем легионе главные.

– Вот жадюги. У самих мачта золочёная, вёсла в серебре, а всё мало.

– Ладно, не шторми, пойдём, подушки покараулим, ещё есть часа три.

Часа три ещё было тихо. Становилось прохладней. Горизонт ещё не отделил море от неба, но по набиравшему силу ветру, по волнам, всё упорней толкавшим борта кораблей, бывалым, обветренным со всех сторон морякам было понятно, что на смену затишью идёт шторм. Корабли, пока не замеченные с башен, подошли ближе к берегу. Взлетела стрела с горячей паклей. Над снастями пролетело «Все на берег!». И, как горох из прохудившегося мешка, посыпались в лодки подгоняемые жадностью и азартом пираты. Проворно гребли к берегу, закидывали на стену крюки, перебирались в город и разбегались по ещё тёмным тихим улицам. На семнадцати кораблях пиратской флотилии было тысячи три крепких, готовых ради хорошей наживы на риск «морских псов», каждый из которых горел вечной пиратской мечтой – неизменно разбогатеть за один день, оставшись живым и без увечий.

И закричали женщины, завизжали дети, застучало било по бронзовому диску в башне над причалами, зазвенел металл в коротких жестоких стычках.

Богатый, спесивый город, последние двести лет живший мирно, всегда и со всеми умевший договориться и откупиться, метался в ужасе. Гарнизон в четыреста копий, легко отбивавший набеги горных племён с севера, на море смотрел вполглаза. Слухи о пиратах доходили,

конечно, и сюда. Но это была беда торговых кораблей. Не посмеют же эти головорезы, сколько их там пусть даже на самой большой триреме, напасть на город-метрополию римской провинции!

Полыхнули пожары, затрещали ломаемые в домах перегородки и мебель, захрипели в смертных корчах налетевшие на пиратские ножи жители. Головорезы, добравшиеся до винных лавок, входя в пьяный раж, громили всё, что не могли утащить. Били утварь в посудных лавках, переворачивали и топтали корзины с фруктами в съестных, крушили небольшие уличные алтари богам, сбрасывали с постаментов прекрасные статуи. Спешащие к гавани от северных ворот отряды городской стражи натыкались на вчетверо превосходящие силы бандитов, и до гавани не добирался ни один. Белые плиты улицы Колоннад стали пятнистыми от крови, как шкуры длиннорогих критских быков.

Все, кто успел вырваться – хозяева, прислуга, рабы, лавочники, мастеровые, жрецы – бежали полуодетые, с белыми от ужаса глазами, затаптывая упавших, теряя детей. Бежали к северным воротам, а там вдоль акведука к каменоломням. В горы! В горы! Укрыться! Ведь не сунутся же пираты вглубь страны!

Ютис очнулся от крика и топота. По стенам металась отблески факелов. Толпа под окнами мастерской неслась к проёму в северной части стены. Ютис выскочил наружу, схватил за грудки мчавшегося мимо раба – Что?!

– Пи... Пираты! – еле выговорил раб трясущейся челюстью.

– Где?

– Везде!

«Сестрёнка!». Навстречу толпе не пробиться. Ютис рванул к Защитной стене. Как любой мальчишка в городе, он лазал по стене всё детство, знал все удобные спуски и подъемы. Взлетел по каменным глыбам наверх, понёсся по гребню. Стена вела к центру города и упиралась в тыльную часть трибун арены. Просочившись незамеченным по заднику скены*, Ютис выглянул в небольшое окошко, выходящее на Агору, и задохнулся от ужаса. Над квадратной площадью Агоры было светло от факелов и стоял оглушительный рёв. Пираты сгоняли к изящной колоннаде храма Тюме связанных по десять человек пленников. Тащили по земле избитых мужчин, гнали, угрожая ножами, упирающихся, в изодранных одеждах женщин. Орали пираты, рыдали, выли женщины, кричали дети. За краем площади, за цепочкой бандитов, стоявших в охранении, валялись трупы тех, кому не удалось сбежать. С высоты было видно, как в море снуют от берега к кораблям лодки, гружённые мешками, сундуками, корзинами, бочками, огромными запечатанными амфорами и кувшинами.

Ветер тащил на город тучи. Из-за туч светало медленно. Ютиса трясло, то ли от подступающего холода, то ли от потрясения. Он узнавал в толпе пленников знакомые лица и со страхом искал глазами светлую головку сестры.

– Разье... -ть-маму-мою-черепуху-через-каракатицу! Вот это я удачно пришвартовался! – колченогий усатый пират даже оробел от открывшейся ему за дверями дома роскоши. – Вот же живут эти сухопутные моллюски, разорви им жопы на тысячу щупалец! Мне столько никогда не добыть, хоть сто лет ещё по морям болтайся.

Он оглядел прекрасные фрески, мраморные столики с изящными сосудами и шкатулками, богато драпированную кровать с бронзовыми украшениями, и торопливо стал набивать мешок, заглядывая во все углы в поисках хозяйской записки.

От входа послышался топот, в атриум ворвались ещё трое угрюмых громил и замерли, вскинув руки с ножами.

– Тихо, братцы, тут всем хватит, – усач настороженно пятился, нащупывая на поясе клинок.

– Бабы есть? – сипло каркнул один из пиратов.

– Не видел. Никого нет.

Троица, сорвав и расстелив на полу занавеси, стала скидывать на них серебряные и бронзовые подсвечники, вазы, шкатулки, посуду, одежду. Самый крепкий пират обстукивал мощным кулаком стены, подбираясь к резной ширме в углу. И вдруг «Пррррр-ррр!» – за ширмой кто-то раскатисто «выпустил пары». Все четверо дёрнулись от неожиданности и устались на рыхлого толстяка, вывалившегося из-за ширмы как мешок с капустой.

– Это что ещё за бочка с говном? – крепкий пират пихнул толстяка сапогом в зад.

– М-м-м-м, – мычал онемевший от страха толстяк.

– Ты здешний?

Толстяк мелко закивал.

– А чё не сбежал?

– С-с-с-с-спал...

– И никто не разбудил?

Толстяк помотал головой, поддавая газом.

– Еще раз пёрнешь – я тебе морского ежа в задницу загоню, понял?

Толстяк зажал зад рукой и икнул.

– Где хозяин деньги хранил, знаешь?

Толстяка трясло так, что не понятно, кивал он головой или качал, отрицая предположение.

– Да прирежь ты этот мешок вонючего жира, – буркнул второй бандит.

– М-м-м-м! – взвыл толстяк на три тона выше, отполз в сторону и постучал по мраморной плите пола с небольшим отверстием с краю.

– Ну-ка, ну-ка, – пират просунул в отверстие пальцы и приподнял плиту. В небольшом углублении рядами лежали мешочки с монетами и драгоценностями.

– Молодец, жирный, отползай, жить будешь! – Довольные пираты, ухватив занавеси за края, стряхнули с них награбленный скарб и стали увязывать мешки, и не сразу заметили появившегося в проёме длинноволосого здоровяка с куском оборванной цепи, свисавшей с ошейника. Он постоял, переводя взгляд с одного пирата на другого, и кивнул на толстяка.

– Мой.

Потом подошёл к мешкам и взял один.

– Мой.

Пираты, оценив размеры бывшего пленника и толстенный прут от клетки, который он сжимал в кулаке, молча проводили глазами уходящую пару и вернулись к своей благородной работе.

Ютис пригнувшись перебежал от окошка к окошку и оглядывал площадку под ареной. Пленников уже перегоняли в гавань, и народу на Агоре поубавилось. Под крайним окном, в углу торговой площади, на роскошном, чуть испачканном кровью кресле сидел в окружении

свирепой охраны важный, богато одетый пират. Он спокойно смотрел на творившийся на площади хаос и время от времени отдавал прислужникам приказы.

Ютис слышал обрывки и понимал, что пираты опасаются прибытия помощи по суше или по морю из соседних городов, и предводитель поторапливает своё воинство.

Он увидел, как к скамье через охрану хромает огромный длинноволосый человек. Впереди себя он толкал рыхлого толстяка в грязной тунике. Получив разрешение подойти, великан пихнул толстяка к ногам главного пирата, бросил на землю мешок с зазвеневшими монетами, стукнул себя в грудь и показал рукой на море.

– Выкуп. Меня брать. С тобой.

И добавил, без страха глядя на главаря: – Не раб.

Предводитель оценивающе посмотрел на великана и на размазывающего соплю толстяка. Толстяк заскулил. – Отпустите меня, господин, я всё отдам!

– Что ты отдашь, жирная свинья? Мы у тебя и так всё заберем, – усмехнулся пират.

– У меня есть брат в Атгалии, он заплатит за меня любую сумму!

Пират оценил хоть и грязную, но дорогую тунику, богатые сандалии и нехотя кивнул. – Отправьте на корабль, пусть пока погребёт.

Потом снял с пальца одно из колец и протянул великану. – Ступай на берег. Скажешь, пусть тебя доставят на «Трезубец». На «Тре-зу-бец», запомнил?

Великан кивнул и похромал к берегу.

Навстречу ему быстрым шагом, но с достоинством, шла к главарю пиратов верховная жрица храма Афины в сопровождении двух служителей. Подойдя, она воздела руки к небесам и, видимо, стала убеждать развалившегося в кресле бандита не навлекать на себя гнев богини разбоем. Главарь ухмыльнулся, плюнул жрице под ноги и качнул головой. Пособники схватили женщину и, вывернув руки, потащили в сторону. Двум служителям, кинувшимся на помощь жрице, сразу перерезали глотки, а женщине, сорвав с головы священную инфулу**, задрали подол и... Ютис сполз по стене и тихо выл от отчаяния и бессилия.

Надо было пробираться к портовым термам, где в небольших пристройках жили низшие служители храмов, в том числе и танцовщицы. Но не дойти. Свяжут или сразу прирежут. Внизу зашуршало. Осторожно выглянув, Ютис увидел щуплого пирата, разглядывающего лестницу на верхние трибуны и решающего, стоит ли туда наведаться. Решил – стоит. Полез. Выбрав момент, Ютис негромко свистнул, бандит обернулся. Увесистый ноздреватый булжжик проехал по всей его роже, сворачивая нос набок.

Набросив вонючую кожаную безрукавку, натянув на голову грязный платок, натерев землёй лицо и тунику и прихватив длинный нож, Ютис рванул к термам. Боги! Не пройти. Горой, полностью закрывая проход, лежали вперемешку трупы пиратов и воинов гарнизона. Ютис огляделся: можно пробраться вон там, через дворы и переулки.

Перескакивая через ограждения дворики, Ютис сначала услышал, а потом и увидел, как бритый, с чёрной татуировкой на всю спину головорез тащил за волосы трёх девчонок, пытаясь связать их друг с другом. Девчонки визжали, пинались, царапали пирата. Одной удалось вывернуться из крепких лап, и она стремглав понеслась прочь. О боги! Это Никея! Девочка неслась стрелой, стремясь уйти за амфитеатр с противоположной от Агоры стороны. Ютис бросился наперерез. Не успел. Два бандита с тяжёлыми мешками за спиной, спешившие в гавань со стороны терм, преградили девочке дорогу. Один швырнул мешок прямо под ноги беглянке, и она покатила кубарем по земле.

– Вяжи её!

– Отпусти её, гад!

Бандит обернулся и получил ножом в печень удар такой силы, что тот намертво застрял в рёбрах – руки у ваятеля были сильные.

– Ах ты, крыса портовая, – второй бросил мешок. В руке блеснул короткий клинок.

Ютис бросил взгляд на землю. Не успеть. Ни схватить булыгу, ни даже горсть песка. Ютис переместился так, чтобы спиной закрыть сестру. Та уже поднялась и стояла на трясущихся ногах, вся в крови от ссадин.

– Ника! Беги! Беги!

– А ты?

– Догоню! Беги!!!

Пират сделал выпад. Ютис вскинул руку на перехват, но скользнул по потной ручище бандита, промахнулся и схватил клинок за лезвие. И охнул. Острейшее лезвие прошло насквозь, и три пальца упали в пыль. Он упёрся бандиту в грудь здоровой рукой, сжав его грязную рубашку в ком, и ударил лбом в нос. Тот замотал башкой. Ютис краем глаза уловил, что сестра скрылась за полукруглой стеной арены. «Спаси её, Афина!».

Ютис знал, что он не боец. Да и что он, раненый, может против конченого головореза. Вот сейчас оттолкнуть гада со всей силы и бежать! Сбоку зашуршало, рыча поднимался истекающий кровью бандит.

– Червяк тухлый! Из-за девки своих валишь? Н-н-на!

И из последних сил рубанул топором...

В гавани взревели тубы***. Пираты давали сигнал к отходу. Надо было успеть выйти в море, пока шторм не вошёл в силу.

– Подыхай, щенок, – прогундосил разбитым носом второй бандит и со всей злобой пнул упавшего Ютиса по голове, накрутил на кулаки горловины мешков и, не обращая внимания на умирающего напарника, потащил их волоком прочь. Шорох мешковины по земле Ютис уже не слышал.

Холодно. И больно. Пахнет дымом. Глаза не открываются, кровь запеклась. Чьи-то мягкие ладошки гладят голову.

– Братик, братик, очнись! Очнись, мой хороший. Тебе нужен лекарь, я тебя не унесу, очнись, братик.

Ютис поднёс руку к лицу протереть глаза и услышал, как зарыдала Никая. Руки не было. По локоть. Только культия, перевязанная оторванным подолом сестрёнкиного хитона. Что-то ласковое и прохладное касалось лица. Снежинки.

Снег. Лёгкий, такой невозможный у этого моря снег, похожий на прозрачную ткань, что умеют ткать персы, накрывал тонким слоем разорённый город и прибрежный песок. Снег здесь не помнил никто, даже старый Суллий. Суллий уже не запомнит. По нежному белому полотну протянулись изящные цепочки кошачьих следов, словно записи тонким стилем.

Тонким стилем Забвения.

Сцена* – в древнеримских амфитеатрах каменная пристройка к сцене (орхестре), служившая фоном для сценических действий и местом для смены костюмов.

Инфула** – у древних римлян головная повязка из белой шерсти, которой жрецы обвивали голову. Символ святости и неприкосновенности.

Туба*** – в Древнем Риме военный сигнальный инструмент.

PS

По безлюдным улицам разорённого города брели усталым шагом два измученных человека – брат и сестра. Брели молча – горе было слишком тяжёлым. Пробирались к городскому фонтану – привычному месту встреч горожан. Отрешённо смотрели на чаек и ворон, сидящих на исклёванных телах, на больших собак, грызущих что-то в кучах у домов.

Холодно. Сестра сдёрнула с перевернувшейся повозки большое шерстяное полотно, бережно накинула на плечи брату и себе.

Из-за колеса повозки на нетвёрдых ножках вышел малыш лет двух. Показал пальчиком на девушку – «мама». Двое остановились. Малыш протянул ручки и готовился заплакать. Девушка подняла его. Совсем замёрз. Ножки ледяные. Укутала. Повозился и затих.

Повернули за угол, прошли пару домов. Сзади за покрывало потянули. Мальчик лет пяти. С зарёванными глазенками. Девушка вопросительно взглянула на брата. Тот протянул мальчонке забинтованную руку – «Держись вот здесь, повыше».

Шли дальше.

Шли жить.

Алексей Григоров В САГАХ НЕ ВСПОМНЯТ

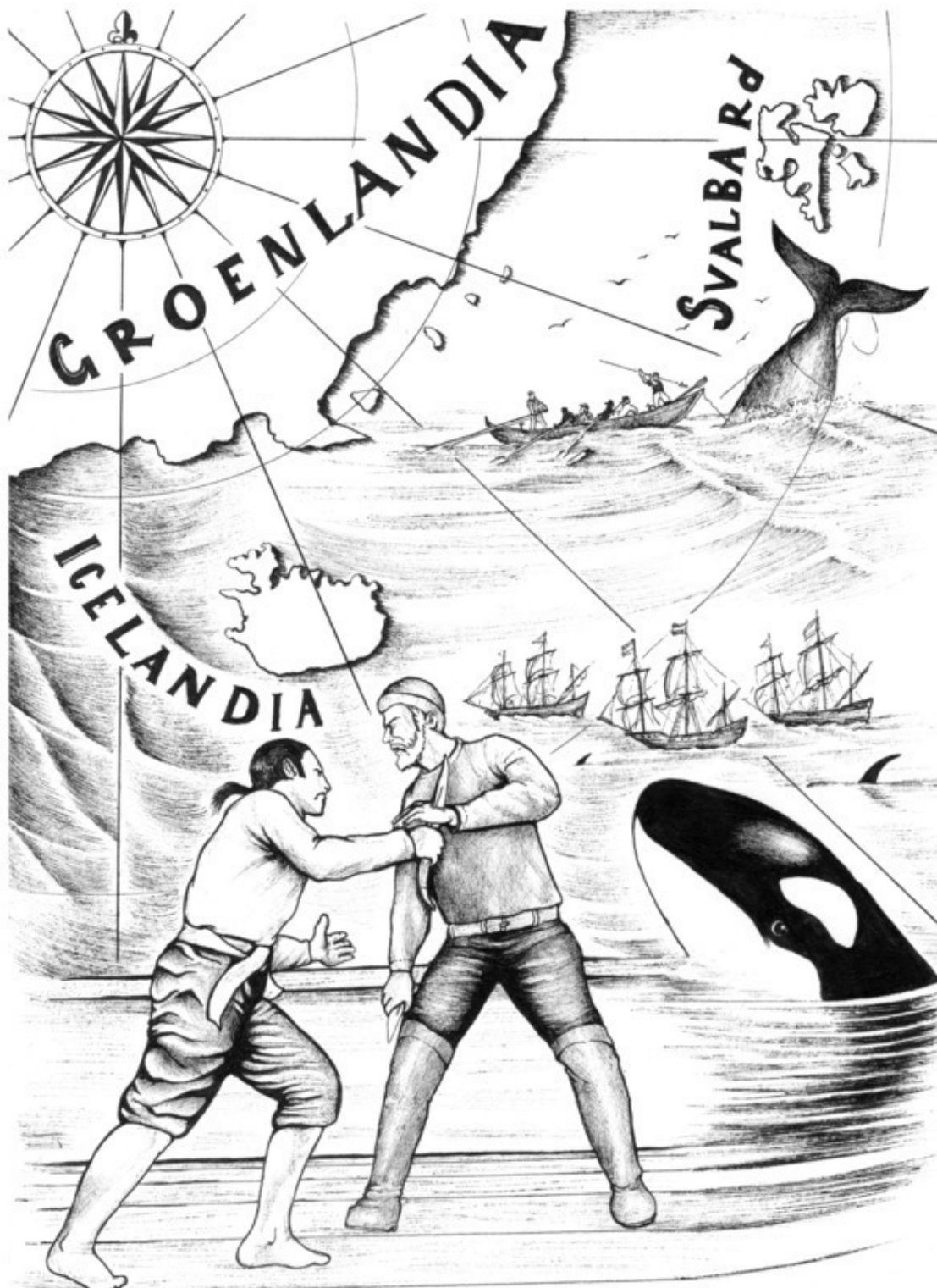

Иллюстрация Алексея Григорова

– Пф-ф-ф-ф! – совсем близко от вельбота из пучины вздымается гора живой плоти. Пока ещё живой! Кит выдохнул, нельзя мешкать... Рука тверда, глаз верен. Коротко свистит

линь – и бритвенно-острый гарпун глухо впивается в тело морского гиганта. Не успевший толком вздохнуть кит уходит в глубину. Ликующие вопли раздаются со всех вельботов... Держись, молодцы!

Ещё долго «рыба» водит-таскает за собой лодку охотников. Наконец, измотанный и задыхающийся, пробитый едва не дюжиной гарпунов кит выпускает фонтан крови, переворачивается несколько раз, наматывая гарпунные линии. Замирает. Море рядом с тушей окрашивается в цвет клюквенного сока.

Добытого кита берут на буксир три лодки. Тросы привязаны к плавникам, матросы на банках готовы... Как же повезло «убить рыбу» рядом с островом Амстердам! Хотя придётся постараться, гребя к далёкому берегу, но можно не тратить время, чалясь к судну. А хорошо, что на севере летняя ночь отступает куда-то к югу, и низкое солнце не заходит за горизонт!

Пересохшее горло, натруженные руки, воспалённые от постоянного света и солёных брызг глаза... Ломит спину, подвело желудок. И как болят кости! Расшатанные зубы – цинга... Но добыта ещё одна туша, будет вытоплена ещё одна бочка жира и пай каждого моряка вырастет на несколько гульденов. Вон, над высокими трубами прямо на берегу хорошо заметен дымок: там не прекращают работу бригады салотопов.

Ещё немного – над крышами уже виден трёхцветный флаг Штатов! – и удачливые китолоты входят в гавань. Вот она, столица голландских китобоев... Здравствуй, славный Смеренбург! Привет тебе, Ворвань-град! Здесь мы отдохнём...

Холодный ветер режет лицо, распухшие пальцы торчат из дыр в рукавицах, уже почти не гнутся. Ноет всё тело, утомлённое борьбой с ударами волн в утлые борта. До самого сердца добирается стылая сырость, от которой не спрячешься. Да и где тут спрятаться?! В лодчонке едва есть место для пары рыбаков и улова... Будь проклята треска! ...и будь благословенна!

Это из-за неё, жирной и вкусной рыбы они попали в беду. Это благодаря ей они пока ещё живы.

Рано утром Аксель и Снорри вышли рыбачить. Впрочем, когда это летом ли, зимой ли в Исландии можно отличить утро от вечера, а ночь от дня?! Дед с внуком не задумывались о всяких глупостях: надо работать. Треска сама в дом не явится! А рыбаков теперь всё меньше. Мужчин в Болунгарвике лишь четверо. Изрядно поубавили народ голодные годы, пиратский рейд турок и обычные, не вызывающие удивления происшествия – падение со скал, поножовщина с соседом, ярость моря...

Солёная вода и холодный ветер в который раз подкараулили людей.

Ловили неподалёку от Вестфёрдира. Обычное дело: грузило, длинная леса на дощечке-рогульке, три крючка. В детстве Снорри удивлялся глупости рыбы, жадно бросавшейся на пёстрый лоскуток. Привык – видно, так уж оно устроено в жизни! Нечего тут умничать. Иной раз сотню, а то и больше, саженой приходится перебирать, вытаскивая клюнувшую на тряпку здоровенную треску... А то и сразу двух! С непривычки до мозолей доходило. Да и сейчас, на шестнадцатом году, не так-то легко тянуть из глубины тяжёлую рыбу. Вот и получается – некогда тут удивляться.

Одобрительно кивнёт Аксель, а там морось прекратится, волны приутихнут... Красота! Да ещё взглянешь на добрый улов – молодцы они с дедом сегодня! То-то женщины дома будут рады.

Снорри не успел додумать: туманная пелена, словно оторвавшаяся от ледяных громад Гренландии, навалилась на рыбаков с юго-запада. Поглотила свет, вдавила в шевелящееся водяное покрывало все звуки. В одну минуту берег скрылся за серой завесой. Рыболовы переглянулись. Внук со страхом заметил неуверенность в глазах деда. Тот взялся за вёсла, кивнув

Снорри на снасти. Пока парень сматывал леску, Аксель быстро и ровно грёб по направлению к устью фьорда. Там-то уже не собьёшься с курса! Не то, что в этой белёсой мути...

Позже Снорри догадался, что дед просто грёб по ветру, рассчитывая достичь северного берега не слишком расходуя сил и не подставляя борт волне. Любой другой курс был попросту невозможен. Противоположный берег фьорда давал верную возможность спастись, хотя на возвращение домой, конечно, ушло бы много времени. Но ветер летом так переменчив!

Когда Аксель понял, что лодку вынесло в Датский пролив, он бросил вёсла. Перевёл дух, повозился, укладывая улов так, чтобы выровнять крен. Обернулся к застывшему внуку:

– Держись, рыбак! Придётся потерпеть. Погода...

Снорри, конечно, и сам видел «погоду». Сначала движение лодки почти не ощущалось – не с чем было сравнить скорость. Потом в спину застучал проливной дождь, пелена чуть поредела по сторонам, зато уплотнилась вверху. Кожаные шляпы-зюйдвестки, пропитанные акульим жиром куртки-роканы спасали от барабанищих капель, но холод начал проникать и под одежду. Да ещё ветер внезапно усилился! Гребни волн, только что прибитые-выровненные дождём, вспучились, плюясь клочьями пены.

А потом всё стало неважным: огромные валы подхватили лодку – и уже не отпускали. Долго-долго...

Течения и ветры гнали на восток. Далеко по левому борту в минуту ясного неба мелькнул белый бугор – вершина на безымянном островке, недавно облюбованном китобоями Европы. Затем снова налетел ветер с дождём, и лодка понеслась дальше. Оставалась малая надежда встретить случайное судно – или наткнуться на совсем уж далёкие острова Свальбарда, что голландцы зовут Шпицберген.

Они потеряли счёт времени. В каком-то полузабытьи Снорри выполнял указания деда – ел куски сырой рыбы, пил дождевую воду, натекшую в зюйдвестку. Иногда согревался монотонно-бессмысленной греблей в неизвестном направлении. Трижды вычерпывал прозрачную кровь моря, заливавшую лодку несмотря на все старания Акселя держаться по ветру.

...и слушал саги!

Сейчас, когда от смерти обоих отделяла лишь толщина днища и бортов, Снорри чувствовал и понимал старинные сказания иначе, чем раньше. А дед, как видно, нарочно вспоминал о героях. Как-то он передал разговор Бьярни, сына Гримольва, с трусом, не пожелавшим достойно принять жребий, и остаться на тонущем корабле:

– Неужели ты бросишь меня здесь?

– Так выходит.

– Другое ты обещал мне, когда я покидал отцовский дом в Исландии, чтобы ехать с тобой!

– Не вижу другого выхода. Что ты предлагаешь?

– Поменяться местами, ты пойдешь сюда, я туда.

– Что ж, пусть будет так. Вижу, ты во что бы то ни стало хочешь жить и очень боишься умереть.

...Бьярни и все, кто остался с ним на корабле, погибли в море.

Те, кто был в лодке, достигли берега и рассказали об этом случае...

Помолчав, Аксель спросил внука, всё ли тот понял. Снорри обиженно засопел, мол, что же тут не понять? Помнят героев, имена недостойных стираются из памяти! Но старик покачал головой:

– Верно, что саги молчат о трусах. Но не всегда! Думай ещё.

Стих ветер, волны унялись – а Снорри всё ещё искал разгадку. Рассеяно смотрел на открывшуюся линию горизонта, покачиваясь в рыбацкой то ли зыбке, то ли гробу... Веки

отяжелели... Тянуло прилечь, вытянуться... Краем глаза – уже засыпая – он заметил, как подобрался, насторожился Аксель.

Рывком выпрямившись, парень встревоженно посмотрел на деда. Тот медленно вытянул руку, указывая:

– Кит-убийца!

Мелькнул узкий чёрный плавник. Снорри не успел рассмотреть опасного хищника, как справа, слева, чуть впереди, чуть сзади один за другим послышались свистящие выдохи, один за другим вынырнули и вновь скрылись под водой плавники косаток. Стая охотилась!

Мерно двигаясь прямо и наперерез рыбакам, касатки то скрывались в глубине, то поднимались на поверхность. Широким строем киты-убийцы охватывали невидимую из лодки добычу. Они шли мимо, хотя и совсем рядом – пять одинаковых, и один очень крупный. Вожак! Пока стая следовала своим путём, он приблизился к лодке. Выдох – словно проснулся гейзер! Туша прошла под килем... «Да он больше лодки!» Оторопев, Снорри вцепился в банку, глядя, как над бортом поднялся высоченный плавник, чуть склонённый на сторону под собственным весом. Шелестящий звук, вроде граблей, сгребаящих сено – плавник прорезал зелёно-прозрачную волну, огибая лодку.

Старый рыбак поднялся, привычно удерживая равновесие. Погрозил вослед китовому вожаку, сплюнул за борт. Обернулся к внуку, ободряюще усмехнулся... Громко закричал, размахивая зюйдвесткой, поднятой на весле.

Проводив взглядом косатку, Снорри, наконец, заметил вдалеке растущее белое пятнышко. Корабль!

Трёхмачтовое судно под красным флагом – рыбаки-исландцы ещё никогда не видели кораблей с плоской, словно срезанной кормой и узкими парусами. А их оказалось сразу два! Второй не замедлил присоединиться к ведущему – похоже, торговцы или китобойи шли из Европы на Свальбард. Впрочем, Аксель насторожился: цвет флага, только издали похожий на датский, живо напомнил нападение мавров-работорговцев, на деле оказавшихся всё теми же голландцами. Тогда – четыре года назад – пираты увезли едва не полтысячи пленников. А сколько осталось в Исландии убитых и покалеченных после их рейда!

Впрочем, выбирать не приходилось. Ещё час – и тонкий борт лодки стукнулся о борт корабля.

Приветственные вопли матросов... слёзы на глазах... дрожат руки, соскальзывают с перекладин штормтрапа сапоги... кто-то тащит Снорри за шиворот...

Палуба – широкая, ровная!

...он сидит, раскинув ноги. Щупает гладкие доски. Едва видит, как поднялся на борт Аксель. Не понимает, что говорят люди вокруг него. На каком языке? Не важно!

Глотает что-то жгучее из фляги, кашляет. Утирает слёзы. Все смеются – Снорри чувствует, как и у него рот растягивается до ушей. Они выжили!

...но почему хмурится дед?

Смуглый моряк с пушистыми усами вдруг напрягся, сжал губы. Отстранил товарища, вперился чёрными глазами в лицо парня. Что-то громко спросил – Снорри уловил несколько исландских слов, и, продолжая улыбаться, закивал. Усатый неожиданно оскалился, зарычал, бросился вперёд...

Аксель едва успел заслонить внука. Кривое лезвие складного ножа мелькнуло перед его глазами – матросы схватили сотоварища, оттащили от рыбаков. Быстрым шагом приблизился кто-то из командиров, гневно прикрикнул; смуглого под руки отвели на корму. Начальник заговорил с Акселем...

Только теперь Снорри испугался. Пучина моря, смерть от голода, жажды или стужи, гибель в пасти кита-убийцы – это понятно. С неизбежной долей рыбака он свыкся. Но здесь опасными были люди. Чужие люди! Спасли – и теперь угрожают. Почему?! А теперь ещё дед что-то горячо доказывает собеседнику... и кто такой этот смуглый с ножом?

Долгий разговор закончился. Начальник махнул рукой, рыбаков отвели в подпалубное помещение. Сунули в руки сухие робы, штаны. Вода, хлеб, миска чечевичной похлёбки с солью – едой тоже не обделили. Показали, где лечь спать, где бадья для нужды. Оставили одних. В темноте.

– Ешь. И слушай! – дед сунул миску. Снорри шмыгнул носом, смолчал. Заработал ложкой. Представил, как улыбнулся Аксель; на душе стало спокойней.

– Так вот, внук! Это корсары, – по тому, как Снорри затаил дыхание, Аксель понял ошибку. – Ну, значит, наёмные пираты... Из Сен-Мало, во Франции. Идут на Свальбард. Какой-то капитан Зоргдрагер понарасказывал им сказок о Смеренбурге. Мол, там живёт тьма народа, выстроена крепость с пушками, несколько церквей, есть приют для приезжих со всего света. Китобои тратят деньги в кофейнях и весёлых домах на женщин, водку, табак и китайское зелье из мака. Купцы и менялы, ворвань и китовый ус – богатств не счесть...

Отставив опустошённую миску, Снори робко кашлянул:

– А мы...

Дед легонько стукнул его по лбу костяшками пальцев:

– А нам некуда деваться.

Он помолчал, потом долго пил воду. В темноте как-то особенно слышались глотки. Аксель утёр бороду, продолжил:

– Я, было, попробовал объяснить, мол, врёт ихний Зоргдрагер. Откуда на Свальбарде городу взяться? Не слушает! Ну, это не беда. Француз, всё-таки. Не турецкий нехристь, либо голландский изменник – капитан не против, чтоб мы по-матросски отработали за спасение, да за проезд в любой порт. Вот только... У них в команде есть баски!

Похолодев, Снорри закусил губы. Стиснул кулаки, зажмурился. С трудом перевёл дух:

– Они... знают? – хотя мог и не спрашивать.

Аксель молчал так долго, что Снорри решил: дед заснул, сморённый усталостью. А когда прозвучал ответ, парень застонал от бессилья.

– Всё они знают. Завтра я дерусь с тем усатым... По обычаю!

Штиль, как нарочно. Вдоль фальшборта, на возвышениях бака и юта – едва ли не вся команда. Кое-кто повис на вантах. Кажется, даже штурвальный посматривает на шкафут. Плохо видно за обвисшими, едва колышущимися полотнищами парусов!.. Там, между фок-и грот-мачтами остался пяточок свободного места. Затаив дыхание, корсары смотрят на приготовления к поединку. До вожденной столицы китобоев ещё далеко, а тут – развлечение!

Усатому лет тридцать. Коренастый, среднего роста. Снял нарядный жилет, разулся. Пошёл по кругу, остановился. Обе руки вытянуты вперёд, то и дело перебрасывает наваху. Оскалил зубы в злобной ухмылке. Медленно-медленно покачивается, не сходя с места.

Исландский рыбак вдвое старше. Высокий и костлявый, в парусиновой робе и таких же штанах. Странно смотрятся грубые сапоги едва не до пояса, прихваченные ремешками к поясу. Аксель чуть пригнулся, выставил левую руку в сторону баска. Правый кулак с зажатым рыбацким ножом прижат к бедру. Застыл.

Стиснутый плечами корсаров, Снорри глядит на обоих. Он знает их мысли!

Баск в ярости. Он жаждет смерти хоть кого-то из тех, кто жестоко расправился с его земляками пятнадцать лет назад. Скорее всего, он сын одного из зверски убитых в Исландии китобоев. Возможно, самого капитана Вильяфранка? Это кровная месть!

Аксель спокоен. Да, по древнему закону – он ответчик за смерть близких баска. Это его топор первым вонзился в грудь Вильяфранка... Но ещё два закона – датского королевства и самой жизни – оба на его стороне. Король постановил убивать басков в Исландии, но жители сперва дали им уйти. Чья вина в том, что буря разбила их корабли? Выжившие выбрали свою участь, и островитяне убили тех, кто воровал, кто мучил священника, кто стал настоящим грабителем... Главный закон Исландии – сумей выжить!

Зрители заорали: баск прыгнул вперёд, молниеносным росчерком махнул клинком, отпрыгнул назад. Довольная улыбка быстро сбежала с его лица – исландец стоял так же неподвижно, только на левой ладони выступили мелкие бусинки крови. Острая сталь почти ничем не повредила грубым рыбацким мозолям. Баск выругался.

Первая стычка, свист и вопли зрителей почти не отразились на поединщиках. Уроженец Бискайи снова пошёл по кругу, всё быстрее и быстрее. Плавные движения лезвия то и дело сменялись резкими выпадами; ни один не достиг цели – скорее всего, баск только дразнил противника. Но исландец лишь осторожно поворачивался, не изменяя позы. Единственное отличие – Аксель время от времени громко и насмешливо высказывался на смеси исландского с баскским, привычной речи китобоев. Похоже, не без успеха – усатый явно разгорячился. Его движения потеряли плавность, несколько выпадов казались нерасчётливыми, суетливыми, но...

– Ох! – Снорри едва удержался от крика: один из взмахов всё-таки достал деда. Распоротый рукав вмиг окрасился алым. Отскочив, баск насмешливо отсалютовал противнику навахой. Улыбаясь, раскланялся со зрителями.

Левая рука исландца дрогнула, чуть заметно опустилась. Крупные тёмно-красные капли одна за другой пятнали палубу. Бледное лицо, покрытое потом, искажённое болью – Снорри никогда не видел деда в таком состоянии. Забыв себя, он бросился на помощь; его легко скрутили. Мальчишка против взрослых мужчин, рыбаки против корсаров...

Окровавленная рука Акселя опустилась. Он стоял перед противником пошатываясь, упрямо задрав всклокоченную бороду, открытый для решающего удара. Ухмыляясь, баск подошёл, играя навахой... перебросил нож справа налево, обратно... молниеносно вонзил!..

Пробитая насквозь ладонь исландца повернулась, выворачивая клинок. Усатый без раздумий попытался перехватить рукоять левой – и закричал: рыбацкий нож вошёл слева точно в подмышку.

Они стояли какое-то время почти обнявшись. Затем баск кашлянул раз, другой... его вырвало кровью... подогнулись колени, разжались пальцы – он медленно осел на палубу. Аксель оттолкнул труп коленом.

Придерживая румпель локтем, Аксель оглянулся на корсарские суда. С ближнего махали шейными платками и зюйдвестками, кричали – одобрительно по-французски, сердито по-баскски. Хмыкнув, рыбак повернулся к внуку:

– Упрямые, тролль их задери!

Пот заливал глаза, но Снорри не обращал на это внимания. Из всех сил налегая на вёсла, он спешил достичь близкого берега. Вдруг удача изменит?! Что будет, если капитан передумает, или земляки баска всё-таки решат отомстить, не считаясь с обычаем? Словно подслушав его мысли, Аксель засмеялся:

– Ведь убедился французишка! Два десятка домов, один китобоец на рейде – зря собирались... Грабить некого, форт на горке, да ещё без боя лоцмана потерял! Не-е-ет, не дураки в Сен-Мало живут, – он помолчал, переложил раненую руку удобнее. Веско закончил:

– Хоть в сказки верят, а не дураки!

Из-за мыса показались тёмные пятна. Они росли, приближаясь – уже можно различить три вельбота, буксирующих тушу кита. Исландцы пригляделись к их маршруту, стараясь следовать параллельным курсом. Совсем скоро они ступят на берег!

– Эй, парень! – дед не собирался успокаиваться. – Ну как, понял сагу о Бьярни?

Неуверенно улыбнувшись, Снорри помотал головой:

– Похоже, пока домой не вернёмся – не пойму!

С берега крепко пахнет дымом, ворванью, гнилым мясом. На волнах колышутся внутренности китов, то и дело мелькают плавники ленивых северных акул. От криков чаек звенит в ушах. Облизанные морем голые скалы угрожающе торчат навстречу пришельцам. Уже слышна речь голландцев – врагов датского короля, а, значит, Исландии... Эта земля встречает их неласково, всерьёз стараясь напугать.

– А, может, уже понял, – голос Снорри окреп. – Сдаётся мне, саги рассказывают нам о чужих ошибках, чтобы мы совершали свои, не повторяясь...

Григорий Родственников ТАНЕЦ СО СМЕРТЬЮ

Иллюстрация Григория Родственникова

Рассвет застал «Чёрную шутку» в сорока лигах к северо-востоку в сторону Багамских островов. Низкое серое небо напоминало гнилой парус. Бриг, некогда носивший гордое имя «Глория» в составе английского военного флота, теперь вонял дёгтем, крысиным помётом и человеческой тоской. Капитан Маркус Кирк, опираясь на дубовый планшир, пересчитывал в уме дни, недели, месяцы: с тех пор, как они покинули Порт-Ройял с пустыми трюмами и полными надеждами. Надеждами на испанский «Сан-Хасинто», гружённый серебром из Картахены. Но вместо галеона они встретили лишь штормы да чаек, круживших над их кораблем, словно над падалью.

– Чёрная шутка, – с горечью пробормотал Кирк. – Быть может, не стоило менять название судна?

Судьба словно нарочно подсовывала одну неприятность за другой, а смерть являлась ему в ночи в виде вертлявой зубастой бабы, тряся пеньковой верёвкой.

Он просыпался в холодном поту, но лишь мрачно усмехался: «Привидится же такая чушь».

Но оказалось, что неприятности и не думали заканчиваться. Чума и чёрная оспа – две уродливые сестрёнки свили гнёзда в Атлантике, сотнями пожирая человеческие жизни и устилая прибрежные воды костями. На островах полыхали костры, и похоронные команды не успевали сжигать мертвецов. Несколько раз встречались корабли со зловещими жёлтыми флагами. И «Чёрная шутка» неслась от них прочь на всех парусах. Добычи не было, и к исходу второго месяца Кирк решил возвращаться. Вот только он не рассчитывал, что губернатор Порт-Ройяла закроет город на карантин.

Напрасно квартирмейстер охрипшим голосом орал солдатам, выстроившимся на пирсе, что на борту нет чумы и они обязаны принять «Черную шутку». Болезненного вида капрал лишь нюхал грязный носовой платок и смотрел в сторону. Солдаты за его спиной застыли с тяжёлыми мушкетами, только и ждущие приказа стрелять.

А когда корсары, несмотря на запрет, попытались пришвартоваться – раздался пушечный рык, и десятифунтовое ядро, прочертив в воздухе дымную кривую, плюхнулось под самым бушпритом судна.

– Твари! – вопил квартирмейстер. – Гореть вам в аду! Доложите губернатору!

Капитан схватил его за шиворот и оттащил от мостика. Рот Маркуса сводила судорога, когда он приказал:

– Паруса на ветер!

Рассчитывая на недолгое плавание, они взяли недостаточное количество провианта. Он обещал морякам месяц похода. Как же заблуждался.

После того, как и Тортуга отказалась принять их, на корабле вспыхнул бунт.

– Они обрекли нас на голодную смерть! – ярился боцман. – Братцы, капитан и квартирмейстер жрут солонину и прихлёбывают ром, а мы уже доели последние сухари! А воды у них столько, что они моют руки перед едой! Зачем нам капитан, которому плевать на команду?! Скоро мы станем Летучим голландцем, как те бедняги под жёлтыми парусами! Клянусь, я сам вскрою себе брюхо, но я хочу сдохнуть сытым и пьяным!

Моряки горячо поддержали его.

– Нет, Билли, – сказал капитан Кирк. – Ты сдохнешь голодным. – И разрядил пистоль в раззявленный рот боцмана.

– Ну? – зловеще поинтересовался Маркус. – Кого ещё накормить свинцом? Это не сухари – переварить не сможете...

Бунт не состоялся. Пока не состоялся.

А смерть явилась к капитану во сне со взведённым пистолетом:

«Держи, Маркус. Зачем неудачнику жизнь?».

– Нет, – прошипел Кирк. – Я приду к тебе позже, безногая. Я не трусливая неженка. Зря стараешься, сволочь.

– Мистер Флэч! – крикнул капитан, и квартирмейстер, бывший хирург с обожжённой кислотой щекой, поднялся на ют, спотыкаясь о пустые бочонки из-под солонины. – Где твои проклятые голландцы? Солнце уже выше мачт, а брашпиль не чищен!

– Трое в лихорадке, капитан, пятеро умерли, – Флэч вытер ладонью нос, оставив кровавый след. – От той партии воды из Мансанильи.

Маркус стиснул зубы. Вода. Они набрали её в спешке, когда испанские патрули выгнали их из бухты. Теперь жажда убивала медленнее, чем пули – кишасшие в бочках черви оказались более живучи, чем экипаж.

Палуба встретила его взгляд мозаикой из усталости и безысходности: матросы в холщовых штанах, перепоясанных верёвками, чистили мушкеты песком. Двое ямайцев, купленных за бочку рома у работорговца в Порт-Ройале, драили пушки свиной щетиной. На носу, у гальюнной фигуры – облупленной русалки с лицом жуликоватой торговки – юнга-бастард из Бордо ковырял ножом цинговую язву на десне.

Новый боцман, выполняя приказ капитана, не давал морякам времени на дневной отдых. Но в глазах голодных измождённых людей Маркус не увидел покорности. Вон как зыркает рябой ирландец. Представится случай – и вцепится в кадык зубами, жадно лакая сладкую кровь.

Вода. Он сам бы отдал половину жизни за полную кружку холодной чистой воды. Временами он даже жалел, что приказал вылить заражённую червями болотную жижу. Язык стал шершавым и жёстким, как наждак. В его каюте стоял последний бочонок с ромом, но Маркус не притрагивался к нему, зная, что после глотка тростникового пойла жажда станет невыносимой.

Юнга полоснул себя ножом по предплечью и жадно припал губами к ране.

«Дурак», – мысленно обругал его Кирк, но ничего не сказал.

«А может, направить корабль на Тортугу и с боем прорваться в порт? Расстрелять картечью губернаторский гарнизон, вывалиться на сушу и вдоволь напиться воды в первом встречном доме? Или погибнуть под огнём сторожевых батарей. Всё лучше, чем медленно подыхать от жажды».

На небе ни облачка. Солнце выжигает разум и плавит воздух. Небо вязкое и серое, но Маркус знает: дождя не будет. Ни сегодня, ни завтра, никогда. Почему никогда? Потому что так захотела смерть.

Он вздохнул и отправился в свою каюту. Упал на кровать, жадно хватал губами сухой горячий воздух, потом задремал.

Смерть. Опять явилась. На этот раз в её руке не верёвка, не нож, не пистоль. Она протягивает Кирку что-то светлое и хрустящее.

Да это бумажный кораблик!

«Маркус, я решила сделать тебе подарок. Бери его – это твой приз. Изящное судёнышко. Я буду ждать тебя там».

По бумажному кораблику бегут чёрные символы, а на дне нарисован красный кружок с изображением льва. И Кирк вдруг понимает, что это печать, а сам кораблик сложен из его каперского патента...

– Как ты посмела, гадина? – шипит он и скатывается с кровати, просыпается. Трясёт головой, прогоняя наваждение. А в ушах ехидный шёпот смерти:

«Иди, мой избранник».

Сидя на полу, Маркус истерически расхохотался. Но хохот оборвал спазм. Капитан закашлялся и вдруг услышал крик:

– Парус! Зюйт-Вест!

Кирк вскочил на ноги, натягивая на колени пришитые клапаны высоких ботфорт, спотыкаясь, выбежал на палубу.

Все матросы нетерпеливо вглядывались вдаль. Там у горизонта действительно белел чужой парус.

Маркус схватил подозрительную трубу – медную, с гравировкой «Дж. Дэвис, 1605». Объектив запотел, но он разглядел: не испанский галеон, а утлое судёнышко, флибот, с надломленной бизань-мачтой. Голландский вымпел? Нет, французский. Торговец.

– Братцы! – хрипло рычал квартирмейстер. – Это наше спасение! Я уже слышу, как в дубовых бочках плещется вода!

– Вода! Вода! – кричали моряки.

– Полные паруса! – рывкнул Кирк, и «Чёрная шутка» застонала, разворачиваясь к добыче.

Но когда они приблизились на расстояние картечного выстрела, Маркус заметил детали. Флибот шёл слишком низко в воде, будто трюмы были набиты камнем. На реях болтались обрывки веревок – не такелаж, а петли. А на корме, у штурвала...

– Труп, – прошептал Флэч. Человек в камзоле с гербом Нанта сидел, привязанный к румпелю, с лицом, почерневшим от жары. В его распахнутом рту шевелилось что-то тёмное...

– Господи, – простонал боцман, – у него в пасти крабы.

– Чума? – предположил кто-то из моряков.

– Я знаю это судно, – квартирмейстер ударил кулаком по планширу. – Это «Маргарита», из Гавра. Видишь выцветший вымпел с лилиями? Они везли сахар с Мартиники.

– Тогда где команда? – Флэч достал пистоль, руки дрожали и стучали зубы. – Мне это не нравится.

Капитан не ответил. Он помнил матросские байки. Судно без экипажа, но с грузом – подарок дьявола. Такие истории рассказывали у костров в Нассау: голландский китобой с трюмами, полными янтаря, но каждый, кто поднимался на борт, сходил с ума к утру. Испанская каравелла с сундуками золота, где монеты превращались в анаконду и душили моряков, португальская каракка, на которой слоновьи бивни оказались костями младенцев. И эти младенцы...

– Абордажная партия – вперёд! – приказал он, вынимая из-за пояса дагу с зазубренным клинком. – И пусть там хоть живые мертвецы – без воды и провизии я оттуда не уйду!

Первым ступил на палубу «Маргариты» гигант-ашанти по кличке Соль. Его предки молились творцу-Ньяме, и теперь он плевал через левое плечо, шепча заклинания на языке, забытом даже работорговцами. За ним – старпом и дюжина оборванцев с факелами и топорами. Капитан замыкал шествие.

Чужой корабль встретил их тишиной, густой, как смола. Бочки с сахарной патокой, разбитые ящики... и запах. Сладковатый, как испорченный мёд. Запах смерти.

Пираты столпились у лестницы, ведущей в трюм.

– Мне это не нравится, – повторил квартирмейстер. – Мне кажется, внизу притаился сам дьявол... Мертвец с крабами во рту – нам предупреждение. Это его груз. Чуете? Серой воняет.

– Трусы! – рыкнул капитан и первым ступил на почерневшие ступени.

Кирк спускался по лестнице в чрево флибота и не испытывал страха. Напротив, его охватило странное нетерпение. Словно чувствовал чей-то тихий, но настойчивый зов. Он ждал его, мысленно был готов. И теперь, когда его позвали – вздохнул с облегчением. Наконец-то!

Капитан «Чёрной шутки» не удивился, когда увидел Смерть. Она сидела на большой бочке и улыбалась ему двумя рядами острых зубов:

– Вот и ты, мой избранник! Я заждаюсь.

Маркус рассмеялся:

– Ты настойчивая дама. Ну, хоть напоишь вволю?

Смерть протянула ему большую железную кружку. Именно о такой он мечтал последние дни.

В бочке оказалась свежая прохладная вода. Даже родники Эспаньолы не могли сравниться с ней по вкусу.

Маркус пил кружку за кружкой и не мог напиться. А ещё эта вода пьянила как вино. Разгоряченный и охмелевший, Кирк крикнул Смерти:

– Я готов! Веди меня в свои чертоги!

– Всё впереди, милый. А сейчас я хочу танцевать.

И вдруг полилась музыка.

Кирк узнал мелодию. Новый танец, ставший популярным лет десять назад. Назывался он «Сэр Роджер де Коверли».

Смерть протянула ему руки, и Маркус с восхищением отметил, какие они у неё изящные и красивые. А её улыбка – немного робкая, но притягательная. И вообще, почему же раньше эта прелестная дева виделась ему уродиной? Как же он ошибался.

Они смеялись и кружились в танце, и пирату казалось, что это самый счастливый момент в его жизни.

* * *

Когда из трюма послышалась музыка, абордажная команда в ужасе бросилась прочь. Целый день на «Чёрной шутке» шли споры: уходить или вернуться на дьявольское судно в поисках воды и капитана.

Чернокожий ашанти ударил себя в грудь кулаком и заявил, что не боится белых демонов. Его и отправили.

Соль плюнул через левое плечо и пробормотал защитное заклинание от духов и подземных чудовищ.

Через короткое время уроженец Ганы вынес из трюма на руках мёртвое тело капитана Кирка и крикнул, что на флиботе много воды и еды.

Уже позже моряки удивлялись, почему лицо Маркуса было таким спокойным и умиротворённым. На губах застыла блаженная улыбка. И кто играл танец Роджера, если на судёнышке не было ни одного живого человека? Но эти тайны Маркус Кирк унёс с собой в могилу. Историю о танцующем пирате долго рассказывали по всем кабакам Атлантики, а потом забыли. В свете и не такое случается.

Жан-Кристобаль Рене БОЦМАНУ СНИЛИСЬ ЧЕРТИ

Иллюстрация Григория Родственников

Боцману снились черти. Точнее, чертовки. Грудастые такие, с аппетитными жопками. Прожжённого пирата не смущали ни хвосты с кисточкой на конце, ни рога, ни копыта. За свою полную приключений жизнь Косой Билл и не таких девок топтал. Были и белые, и смуглые, и чёрные, словно душа епископа. Всякие были. Иные за звонкую монету отдавалась, иных команда, как трофей, по кругу пускала. Были ещё злые бабищи с дальнего острова, которые, выкрав с корабля боцмана и двух крепких матросов, сами их по кругу пустили. Так что необычностью чертовки Билла не смущали никак. Он их хотел. Так всегда было, когда боцман выдувал огненного поила больше, чем положено. Впрочем, на обильные возлияния была всякая причина.

Косой Билл ухватился за эту мысль, как за спасительный канат и рывком выдернул себя из полуночного кошмара. Совсем недалеко шумел океан, старательно перекатывая песок пляжа. Где-то на грани слышимости кричали чайки. Чертовок в убогой лачуге не наблюдалось.

Да и откуда им взяться на необитаемом острове? Томми Пузырь знал, как примерно наказать провинившегося боцмана. Достаточно было лишить бунтаря баб, компании и пойла. Впрочем, пять заветных бутылочек капитан ему оставил, в память о былых заслугах. Всего пять! Гадёныш! С горя Билли тут же вылакал четыре. Оставшаяся бутылка манила блестящими боками. Боцман порывисто встал и едва удержавшись на ногах, шагнул к заветному столику.

– Не время лакать, пьяная морда. У нас есть одно дельце.

От неожиданности боцман даже икнул. Дорогу к выпивке кто-то преграждал. Неужели, он не один на острове? Впрочем, кто бы не был неожиданный сосед, он не имел права запрещать Косому Биллу приложиться к бутылочке. Никто на свете не смел такое делать.

Боцман собрал в кучу разъезжающиеся глаза, чтобы пометче прицелиться для удара и в очередной раз уронил челюсть. Девка! Да ещё какая! Аппетитней всех чертенок из сна, вместе взятых. Декольте призывно манило белоснежными полушариями, красивое, с оборочками платье вызывало дикое желание залезть под многочисленные юбки. Откуда взялась в необитаемой глуши такая рыбка боцмана совершенно не волновало. Пальцы, ещё секунду назад сжатые в кулак, цапнули левую грудь красотки. Билли даже успел почувствовать её нежность и упругость. Потом в челюсть впечатался крошечный кулачок недотроги. Ощущение было такое, словно боцмана лягнула упитанная ломовая лошадь. Ноги недальновидного ловеласа оторвались от земляного пола, он взлетел к невысокому потолку, приложится об него затылком и всем весом рухнул на топчан, разбив его в щепки.

– Шишку свою тоже на поводке держи, ущербный, – прошипела девица, оправляя декольте.

Биллу стало грустно. Даже будучи пьяным он не потерял способность рассуждать. Обладательницу такого удара следовало обходить за милю. У Пузыря и то кулак вдвое менее смертоносный. Возможно и злые бабенции с далёкого острова послабее будут.

Явно прочитав на пиратской физиономии панику и капитуляцию, девица довольно хмыкнула, сгребла со стола бутылку и сделала приличный глоток. Это преступное деяние в условиях отсутствия выпивки сработало, как спусковой крючок. Ставший было шёлковым пират моментально превратился в разъярённого берсерка. С воплем «Убью, тварь!» он бросился на наглую прихлебательницу, ухитрившись выдернуть из-за пояса матросский нож с широким лезвием. Удар был нацелен в живот и точно попал бы в цель, если бы не брошенная навстречу дурной башке початая бутылка. Сила удара была такая, что голова бедняги лопнула, как перезрелый арбуз. Девица сделала шаг в сторону, брезгливо наблюдая, как падает к ногам оппонент. Потом извлекла из глубин декольте кружевной платочек и аккуратно промокнула губы.

Боцману снились чертовки. В этот раз они были такие жирные и волосатые, что вызывали лишь рвотный позыв. Билли лежал у их ног, как жертвенный баран в ногах иноверца.

– Вставай уже! Разлётся тут, – проворчала самая страшная, пребольно пнув пирата под рёбра.

Пинок рывком выдернул его из сна. Девица нависала над Билли и можно было биться об заклад, что именно она его разбудила. Пират с кряхтением поднялся на ноги. Мысли разбегались, словно тараканы. Что из произошедшего было сном, а что явью? Взгляд брошенный на пол хижины, заставил похолодеть от ужаса. В комнате словно резали поросёнка. Кровь впоремешку с осколками стекла...

– Ты внимательно смотри, – ехидно шепнула на ухо девица. – Там кусочки твоего мозга валяются. Правда, откуда в пустой голове мозг?

Боцмана передёрнуло. Он невольно коснулся головы, взъерошил волосы. Не было и намёка на рану. Как такое возможно?

– Кто ты такое? – прошептал изрядно перетрухнувший пират. – Уж не богиня ли сраная?
– Оооо! Меня ещё никто так не называл, – жеманно потупила глазки красавица. –

Повтори!

– Сраная! – сразу же отозвался начавший приходить в себя боцман. Потом, увидев, что собеседница вновь сжимает пальчики в кулачок, взвыл: – Богиня! Как есть богиня! Повелительница вселенной! Хозяйка всего сущего. Гадина! Нет! Повелительница всех гадов земных, подземных и воздушных.

– Хвалите меня, хвалите, – промурлыкала девица, с невинным видом покусывая ноготь на мизинчике. Ангелочек да и только.

Впрочем, бывалый пират заметил и ехидные искорки в глазах и хищную улыбочку. Наконец красотке надоело изображать из себя принцессу и она, всплеснув ладошками, перешла на деловой тон:

– Теперь о деле, пустоголовый. Известен ли тебе некий Томми Пузырь?

– Мне кажется, я всю жизнь знаком с этой толстозадой макакой.

– Отлично! – обрадовалась девица. – Я не ошиблась в тебе, убогенький.

– Эй! Перестань меня так называть! – попробовал сохранить остатки достоинства пират. – И вообще, что может быть общего между этакой... гхм... красоткой и протухшим морским разбойником?

– О! Всё просто. К нему попала одна вещь. Которая мне необходима до зарезу.

– Так пойдй, прибей его, как давече меня, и забери свою цацку. Делов-то.

– Не всё так просто, убогенький. Он должен добровольно отдать эту вещь. Причём – мужчине. И, кстати, ты прав насчёт цацки. Она похожа на пудреницу. На крышке – орёл, уносящий в когтях ягнёнка. Серебро. Очень тонкая работа.

– Таких побрякушек у кэпа, как блох не папском пуделе. Он, небось и не вспомнит где она. Да и не того ты выбрала на роль получателя пузырёвых подарков. Томми меня ненавидит. Я его чуть с должности не выкинул. Подговорил команду, наплёл про карту спрятанных сокровищ, а эти мерзавцы меня с потрохами кэпу сдали.

Девица расхохоталась в голос:

– И это чудо не хочет, чтобы его называли убогим. Похоже, что неудачник – твоя профессия.

– Нет, ну почему... – попытался оправдаться боцман. Потом, задумавшись, насупился и отвернулся от противной собеседницы.

– Слушай, Билли, неужели ты думаешь, что я не интересовалась тобой, прежде чем прийти в эту дыру? Можешь не сомневаться, ты тот, кто мне нужен. Будешь хорошим мальчиком – не дам пропасть и даже вознагражу в пределах разумного. Начнёшь ерепениться – грохну и забуду воскресить. За мной не заржавеет.

– Для начала найди способ выбраться с этого проклятого острова. Ты не на корабле прибыла, часом?

– Таким, как я корабли не нужны, убогенький, – ухмыльнулась девица. Подойдя к хлипкой стенке хижины, она коснулась её и вдруг отдёрула сплетённые лианами стволы пальм, словно занавеску. В помещение хлынул ослепительный свет, пахнуло свежестью, послышались звуки, которые чуткое ухо морского разбойника не могло спутать ни с чем другим. Боцман рысью бросился к свету и, не задумываясь засунул кудлатую башку в проём. Корабль! «Ковчег»! Только такой идиот, как Пузырь Томми мог назвать свою посудину библейским именем. Скрипели снасти, ветер надувал паруса над головой, по палубе бегали босоногие матросы. Вон и кэп. Смотрит куда-то на бейдевинд.

– Вперёд, герой! – шепнула из-за плеча девица. Затем подкрепила команду могучим пинком по боцманскому задку. Билли вылетел на палубу, как ядро из пушки и во весь рост растянулся возле шкафута, вызвав удивлённые вопли пиратов.

– Убью, тварь! – взревел вконец обозлённый боцман. Девушка показала ему язык и задёрнула проём. С этой стороны он был открыт в стене палубной надстройки.

– Билли? – Пузырь Томми, обернувшись на шум, с нескрываемым интересом разглядывал бывшего боцмана. – Как тебе удалось выбраться?

– Долгая история, кэп. Давай всё обсудим за стаканчикомпряного карибского рома.

– Капитан, нам сейчас не до этого шута, – оживился стоящий рядом с Пузырём квартирмейстер.

– Ладно, потом, – махнул рукой Томми, вновь оборачиваясь к объекту своих наблюдений.

С того места, где стоял Билли не было видно, что происходит по правому борту, но боцман неожиданно понял причину аврала. Ведь от его прищуренных глаз не укрылось оружие, которым оцетинилась вся команда, от шкипера до юнги. Сказать что-либо он не успел. Раздался оглушительный грохот. «Ковчег» сотрясся от клотика до киля и в ту же секунду заговорили пушки. Причём как свои, принадлежность которых боцман мог играючи определить на слух, так и чужие. Осторожно заглянув за надстройку, он окончательно убедился в своих догадках. «Ковчег» и торговое судно сошлись бортами, пушки палили непрерывно и почти в упор. Ядра пробивали борта, ломали шпангоуты и настил. Испанский шлюп, законная добыча Томми, явно был не ровней пиратскому фрегату и бился больше от отчаяния. Десяток пушек на верхней палубе мало что могли противопоставить трём дюжинам орудий «Ковчега» расположенным на двух деках. Команда Пузыря уже закидывала испанца крючьями, рёв трёх сотен лужёных глоток порой заглушал грохот канонады. Несмотря на то, что испанцы ухитрились перерубить часть канатов, прикреплённых к абордажным кошкам, пиратам удалось подтянуть сопротивляющееся судно к борту.

– На абордаж! – взревел Томми, спрыгивая на палубу испанца и первым же выпадом пробивая доспех бросившегося навстречу солдата. Лавина пиратов перехлестнула через борт «Ковчега», сметая противников. Бой быстро разбился на отдельные дуэли. Наблюдая за происходящим, Косой Билл внезапно осознал, что порядочно соскучился по хорошей драке. Позабылись и девушка с острова, и обида на команду, и злоба на капитана. Боцман бросился в оружейную, выхватил первый попавшийся палаш и с грозными воплями побежал к борту. Битва была в самом разгаре. Пираты теснили испанцев к юту, но те и не думали сдаваться. Вся палубу шлюпа заливала кровь, тут и там валялись мёртвые и умирающие. Среди воинственных торговцев особенно выделялся громила в дорогих доспехах. Наверняка, владелец груза. Вокруг гиганта, после десятка смертельных ударов и уколов, образовалось пустое пространство. Никто не хотел лезть на рожон и скрещивать шпагу с таким опасным противником.

– Всё, носатый, ты меня всерьёз разозлил, – взревел Пузырь Томми, – сейчас я раздавлю тебя, как клопа!

Кэп был почти одной комплекции с испанцем, вот только из доспехов носил лишь кирасу и наручи бычьей кожи. Драться Пузырь умел, но вряд ли смог бы победить такого опытного фехтовальщика. Боцман, удачно насадивший на палаш злого как чёрт солдата, удивлённо обернулся на крик кэпа. Что-то он раньше не замечал за Пузырём такой безрассудной бравады

– Сдохнет Томми, сдохнешь и ты, убогенький.

Шёпот над плечом заставил Билли отпрыгнуть. Рядом никого не было. Чертыхнувшись, боцман шагнул было к противникам, но быстро понял, что Томми не нуждается в помощи. Хозяин «Ковчега» взял из рук квартирмейстера заряженный пистолет и прицелился в дерзкого дворянина.

– Падаль! – злобно прошипел испанец. Затем резко рванул из-за голенища метательный нож.

Всё остальное происходило быстро, но боцман запомнил каждый миг. Выстрел, блестящей рыбкой летящий в пузырьёву голову нож, роковой шаг в сторону кэпа и лезвие ножа, входящее в затылок.

Боцману не снились черти. И чертовки тоже не снились. Всё потому, что он ухитрился зажмуриться во сне. Так и сидел, прислушиваясь к шёпоту рогатых и волосатых. Ну а что? Выпивки лишили, баб лишили, даже самого завалящего трофея с захваченного шлюпа лишили. О! И жизни аж два раза лишали. Хватит. Теперь он рыба. Камбала на дне моря, та которая глазками кверху. Косой Билл сегодня на отдыхе.

– А ты, убогенький, оказывается, самый настоящий герой. Вон как грудью, ну, точнее, задницей капитана своего прикрыл.

Боцман приоткрыл один глаз и с неприязнью обозрел наглую девку. Надо же, в этот раз она сидит за столом, как и он, впрочем. Вокруг всё та же богом забытая лачужка, словно и не было ни абордажа, ни испанцев, ни ножа, воткнувшегося в затылок. На столе – початая бутылка рома. Почти полная. Стоп! Ром?

Билли молниеносно цапнул воделенное пойло. Потом в голове что-то щёлкнуло. Бутылки здесь быть не должно. Она же... Боцман рассеянно потрогал многострадальную голову, конечно же совсем целую, потом вопросительно взглянул на девицу.

– Пей, кэпов пирожок, заслужил, – усмехнулась та.

Некоторое время раздавалось яростное бульканье и причмокивание. Потом пират оглушительно рыгнул и счастливо заулыбался:

– Как погляжу, ты повысила мой статус от убогенького до пирожка?

– Не обольщайся, убогенький пирожок. Ты всего лишь сделал первый шаг. Теперь капитан Томми Пузырь обязан тебе жизнью. А это значит, что с ним легче будет договориться.

– Ну да, я такой, – благодушно почесал пузо боцман. – Наверно, мне надо было пойти в миссионеры а не в пираты.

– Ну вот! Молодец! Закрепляй успех, убогенький, – хлопнула Билли по плечу девица. – Учти, пока я тебя восстанавливала, прошло немного времени. Что-то около недели. Думаю, что Томми успел по тебе соскучиться. Может не станем его разочаровывать? Явись к нему, заключи в объятия, скажи, что всю жизнь мечтал спасти любимого капитана. Глядишь, одарит тебя должностью квартирмейстера. А заодно и мою безделушку вернёт. Как тебе план?

Боцман радостно кивнул. План ему определённо нравился. Девица не стала медлить, раскрыла проход на корабль даже не сдвинувшись со стула. Косой Билл встал на ноги, покачнулся – ром начал действовать – и шагнул к светящемуся проёму. В какой-то момент затуманенный мозг позволил себе парочку несложных мыслей. Боцман застыл с поднятой ногой и успел буркнуть: «Постой, это же...», прежде чем мощный пинок отправил его навстречу новому приключению.

Согласитесь, полупьяный боцман в каюте капитана, да ещё и в тот момент, когда этот самый капитан то ли милуется с очередной пленной девкой, то ли насилует её – явление весьма редкое. Косой Билл с грохотом повалился на доски пола, перекатился на спину, сел и стыдливо прикрыв глаза ладонью, буркнул:

– Я ничего не видел, кэп. Ты же веришь своему лучшему другу?

– Какого чёрта? – взревел Пузырь Томми. Потом, взглядевшись в лицо нарушителя спокойствия, побледнел и просипел севшим голосом: – Билли? Ты как ты тут оказался?

– За наградой пришёл, разве непонятно? Странно ты друзей встречаешь, пузан, – выпятил губу кандидат в квартирмейстеры.

– Аааа! – взревел Томми и, как был в исподнем, бросился прочь из каюты. Следом с визгом выбежала его пассия.

До Косого Билла стала доходить пикантность ситуации и вопли кэпа из-за стенки только подтвердил догадку:

– Он вернулся! Этот поганый боцман вернулся за моей душой! Неделю побродил по дну, взрезал мешок и доплыл до «Ковчега»!

Неудавшийся пирожок чертыхнулся сквозь зубы. Как он не учёл, что числится в команде мертвецом? Если первое появление можно было хоть как-то объяснить, то второе только про-исками Сатаны. Моряки – народ суеверный. Им только дай повод – напридумают такого, что кровь в жилах застынет. И точно. Со стороны палубы слышался отнюдь не дружелюбный разбор ситуации.

– Братва, давайте сожжем капитанову рубку вместе с этим восставшим из ада!

– Я те дам «сожжём», паршивец. Фрегат мне решил сжечь? Так я тебя самого на вертел посажу.

Билли облегчённо выдохнул. Томми молодец, хоть чуть-чуть но соображает. Впрочем, боцман почти сразу вновь разочаровался в капитане, потому что тот продолжил:

– Выкурить его надо, вот что. А потом заколоть. Только в этот раз никаких мешков с грузом. На куски порубить и по частям за борт отправлять.

– Скотина неблагодарная! – взревел Билл. – Так ты отвечаешь за спасение? Знал бы, ни в жисть под нож не подставился бы.

– Заткнись, падаль! Никто тебя не просил воскресать. Мы тебя толком помянули. Я даже слезу пустил. Три ящика рома вылакали. Ещё вопрос – кто из нас неблагодарный.

– Три ящика? Без меня? Ну всё, Пузырь, ты больше мне не друг, – боцман повёл носом. Дым! Вот ведь гады. Зубы заговаривают.

Времени на раздумья оставалось всего чуть-чуть. Билли рванул к иллюммнатору, распахнул жалостно скрипнувшую створку и протиснулся в проём, отчаянно проклиная всех пиратов и их капитана. Беглеца довольно быстро заметили. Даже выстрелили пару раз, но промахнулись по причине наступающих сумерек. Билл презрительно фыркнул и сделал пару мощных гребков. Не станет Пузырь Томми разворачивать фрегат. Боцман, даже восставший из ада, того не стоит. Но вот как теперь спастись? Тут, наверно, сотня миль до ближайшей суши. Положение...

Что-то коснулось ноги. Хоть касание было лёгким, но ощутилось от лодыжки до бедра. Что это, чёрт побери? Боцман нырнул. Увы, лишь для того, чтобы увидеть огромную акулю пасть и челюсти, мгновением спустя сомкнувшиеся на его шее. Акула попалась немаленькая. Оттяпала голову добыче, как заправский палач.

Чертям снился боцман. Черти ворочались, плевались, обзывали Косого Билла нехорошими словами, а он всё прыгал из одной рогатой головы в другую, пока не был выдворен из собственного сна метким ударом адского копыта.

– Слушай, похоже голова – твоё слабое место. Ты вечно её теряешь.

Они снова сидели за тем же самым столом. Теперь он был обильно заставлен жратвой и выпивкой. Боцман, собиравшийся высказать всё, что думает насчёт заведомо провальной миссии, махнул рукой и принялся есть и пить, как не в себя. Девушка, ехидно улыбаясь, рассматривала насыщающегося пирата, как кошка, следящая за полупридушенной мышью. Убедившись, что боцман достаточно наполнил желудок и может отвлечься на беседу, она продолжила:

– У тебя остаётся последний шанс, убогенький. Увы, бесконечно тебя воскрешать я не смогу. Так что нынешняя твоя жизнь – последняя. Соберись и постарайся в этот раз не погибнуть.

Билли чуть не подавился куском солонины. Откашлявшись, прохрипел:

– Так оставь меня в покое тогда. Найми кого-нибудь другого. Видишь же, что я себя исчерпал.

– И то верно, – задумчиво мурлыкнула красотка, коснувшись тонким пальчиком полупустой бутылки, – тебя, стало быть, в расход?

Боцман испуганно замотал головой, отчаянно пытаясь прожевать очередной кусок.

– Значит слушай меня внимательно, убогенький, – резко сменила тон на злоеший себе-седница, – я команды сдаваться не давала. Ты в данных обстоятельствах ничего не решаешь. Так что заткнулся и марш выполнять приказ.

Щелчок пальцев и дальняя стенка хибары исчезла, явив зрелище весёлой попойки. Всё та же капитанова каюта. Только теперь за столом пили и ели семь-восемь пиратов во главе с Пузырём Томми.

– Без рук и без ног, ненормальная, – буркнул боцман, вытирая ладони о штанины и вставая со стула, – сам пойду.

Девица благосклонно кивнула и, не сдвинувшись с места, наблюдала, как Билли шагает в сторону каюты.

– Чур, не драться, – боцман воздел палец и погрозил оглянувшейся компании. На его удивление, никто из пиратов, а здесь были все шишки, от квартирмейстера до старпома, не выразил ни удивления, ни страха, ни злобы.

– Билли! Иди сюда, садись. Мы тебя заждались, – добродушно махнул рукой Томми.

– И я вас не смущаю? – удивился боцман, принимая приглашение.

– А чего мертвецам мертвеца бояться? – удивился кэп. – Ты давай, угощайся. Потом будет не до жратвы.

Некоторое время раздавалось только чавканье и бульканье. Потом дверь в каюту распахнулась. На пороге стояли испанские матросы во главе с солдатским капитаном. Презрительно оглядев пиратов, тот процедил сквозь зубы:

– Время последнего желания истекло, ублюдки. Пора ответить за смерть уважаемого испанского гранда.

Матросы живо скрутили всю компанию и вытащили на палубу. Косой Билл сразу же оценил ситуацию. Похоже, что кэп прав. Хоть они пока живы, но уже мертвецы. Об этом красноречиво говорили и верёвки с петлями, свисающие с грота-рея «Ковчега», и испанский линейный корабль под боком, и горы трупов – всё, что осталось от пузырёвых матросов.

– Как я и говорил, вас не повезут в метрополию, – заявил капитан. – Его сиятельство герцог Лос-Велес хочет полюбоваться на последнюю пляску убийц его брата.

Расфуфыренный гранд, наблюдающий за происходящим с капитанского мостика, важно кивнул. Кого-то он напомнил Биллу. А! Точно! Это же уменьшенная копия того громилы, что вогнал ему в затылок метательный нож. Вот уж попали так попали...

Пиратов потащили к петлям, которые незамедлительно накинули на их шеи. Билли грустно вздохнул:

– Ну вот. На этот раз точно умру. Так и не смог раздобыть ту штучку с орлом и ягнёнком...

– С орлом? – удивился Томми. – Ты про это? – кэп извлёк из-за воротника блестящую штучковину, висящую на шее. – Забавная вещичка. Дарю.

Дёрнув и разорвав шнурок, кэп вложил в руку ошарашенного боцмана цапку, за которой он гонялся вот уже три жизни подряд.

– Повелеваю – повесить, – взревел с мостика герцог. Взревел и... умер. Косой Билл как-то, в прошлой жизни, был участником подобной экзекуции. Но сейчас, в роли наблюдателя, он по достоинству оценил зрелище лопающейся от удара бутылкой головы.

– Не так быстро, грандик, – мурлыкнула девица, отбрасывая в сторону зажатое в руке горлышко. Потом грациозно спустилась к несостоявшимся мертвецам. Билли только сейчас осознал, что вокруг воцарилась необычная и пугающая тишина. Не было ни скрипа снастей, ни плеска волн, ни крика чаек. А ещё застыли все, кроме него и самой девицы. Взяв из ладони боцмана артефакт, она нажала на что-то. Крышка со щелчком откинулась. Ноздри зашекетал пряный запах благовоний.

– Моя пенка для ванной. Правда, вкусно пахнет?

– Пенка? Я что,дох по три раза на дню из-за пенки? – воцмущению Косого Билла не было предела. – Сознайся, ты же в любой момент могла её забрать.

– Скажу больше, мой недогадливый дурачок. Я сама его подбросила твоему капитанчику.

– Зачем?

– Там, где я живу, так мало развлечений. Вы, людишки, иногда такие непредсказуемые. За вами интересно наблюдать. Смотри: – девица открыла проход в стене надстройки. Он вёл не в лачугу. Комнату Билли узнал сразу. Он часто её снимал, когда оказывался на Тортуге. В углу стоял сундук с откинутой крышкой.

– В ослепительном солнечном свете, льющемся из окна, драгоценности сверкали, как звёзды на небе. – Это тебе за труды. Ты изрядно меня повеселил.

– Постой, – неожиданно для самого себя пискнул боцман, – зачем было меня одаривать? Зрелище казни, оно же тоже то ещё развлечение.

Девица внезапно посерьёзнула. Приблизилась, взглянула в лицо своей игрушки. Билли с ужасом заметил мерцающие в её зрачках огоньки пламени:

– Ты назвал меня богиней, убогенький. Это – льстит.

Некоторое время пират смотрел вслед уходящей и растворяющейся в солнечных лучах девице, потом, ухватив за шкурку начавшего приходить в себя Пузыря, шагнул с ним на Тортугу.

Ленсанна МАРСЕЛЛА

Иллюстрация Вадима Кузнецова

На обрывистом берегу Адура стояла одинокая стройная сосна. Её крона находилась так высоко, что казалось облака цепляются за неё. Но сегодня небо было прозрачным и чистым.

У подножия сосны над свежим могильным холмиком сидела девчужка лет двенадцати. В её светлых волосах запутался ветер и бился в них, словно пойманная в силки пташка. Девочка не плакала, поток слёз уже давно иссяк, оставив чёрные полукружия под огромными зелёными глазами. Она неотрывно смотрела вдаль, туда, где река врывается в водные просторы залива, и, поглаживая насыпь из жёлтого песка, что-то шептала...

* * *

В таверне «Весёлый Том» было шумно. Не удивительно – в бухте стояло множество торговых, военных и каперских судов. Сегодня сам Андре Бошен – известный на всю округу гроза испанских кораблей – на своём красавце «Опасный» бросил якорь у берега. Ходили слухи, что Бошен не гнушался грабить и английские суда, да и французские тоже, если они скрывали в трюмах богатую добычу. Но это были только слухи, ибо все, кто когда-либо встречался с Андре Бошеном «на узкой дорожке» уже давно съедены акулами в море или червями в земле.

Итак, в таверне было шумно. Воздух, обильно сдобренный запахами горелого масла, алкоголя, пота и дрянного табака, был настолько густым, что им надо было не дышать, а есть ложкой. За столами вино лилось рекой. Соскучившиеся по твёрдой земле и нормальной еде моряки кутили напропалую. Уже изрядно захмелевшие, перебивая друг друга, они рассказывали о своих приключениях не скупясь разбавлять правду выдумкой. За некоторыми столами играли в кости и карты, в пылу азарта хватаясь за ножи. Весёлые девицы, перетянутые корсетами так, что груди вот-вот выпрыгнут наружу, визжали и хохотали, сидя на коленях щедрых выпивох. Кто-нибудь то и дело запевал залихватскую пиратскую песенку, которую сразу же подхватывал весь зал. Но через один-два куплета пение сходило на нет.

В дальнем углу таверны за небольшим столиком сидел парень лет двадцати. На нём был зелёный бархатный камзол, местами немного потёртый, но чистый, чёрные кожаные штаны и высокие ботфорты. Его светлые слегка вьющиеся волосы были собраны в хвост и перехвачены узкой чёрной лентой. Юноша медленно с ножа ел варёное мясо со свежими овощами

и запивал пивом из большой глиняной кружки. Рядом с ним за столом, уткнувшись лицом в тарелку, мирно посапывал моряк с окладистой бородкой. Не обращая внимания на своего соседа, молодой человек усталым взглядом обводил зал, разглядывая лица гуляк. Пара девиц пытались подсесть к парню за стол, но он так зыркнул своими зелёными глазами, что девахи быстренько ретировались, обиженно хмыкнув.

Вдруг внимание молодого человека привлёк один из столов, где играли в карты. На кону лежала вполне приличная горка монет, среди которых поблёскивало серебро и даже несколько золотых монет. Юноша заметил, как один из игроков незаметно для остальных сбросил карту под стол. Вскоре игра закончилась и под разочарованные возгласы проигравших плут начал сгребать куш на свой край стола.

Намереваясь восстановить справедливость, парень хотел встать, но почувствовал, что на его руку легла чья-то ладонь. Он повернулся и увидел, что его сосед по столу сидит и тоже смотрит в сторону игроков в карты:

– Не вмешивайся, парень! Они сами разберутся.

Но юноша резко вырвал свою руку из-под ладони моряка и, повернувшись к шулеру, громко произнёс:

– Эй, приятель! Не ты уронил карту?

Хоть в зале было и шумно, но за соседним столом его услышали. Игроки переглянулись, дружно перевели взгляд на счастливого обладателя выигрыша, затем посмотрели на парня, который остриём ножа указывал под их стол. Прежде, чем один из проигравших юркнул под стол, верзила-жулик отшвырнул карту ногой и, поворачиваясь всем корпусом к молодому человеку, прорычал:

– Это кто тут, тысяча дохлых крыс, смеет обвинять меня в нечестной игре? Я не расслышал!

– Я, – ничуть не смутившись, ответил светловолосый юноша.

– Молокосос! Да я тебя одним пальцем раздавлю, тысяча дохлых крыс тебе в глотку! – багровея от злости, заорал пират.

С грохотом опрокинув стул, бугай встал и не очень твёрдой походкой направился к парню, вытаскивая на ходу из-за пояса короткую абордажную саблю. Но юноша уже стоял в проходе между столами и держал в руке шпагу. Пират ринулся на своего противника. Молодой человек отразил первый удар здоровяка, ловко повернулся и оказался за спиной пирата. Бугай неуклюже развернулся и не глядя рубанул саблей. К его удивлению оружие не встретило препятствия на пути – юноша успел отскочить в сторону. В тот же момент коротким молниеносным выпадом парень чиркнул остриём шпаги по щеке противника. Показалась тонкая струйка крови.

На какое-то неуловимое мгновение в таверне воцарилась тишина, но предвкушая интересное зрелище все шумно повскакивали со своих мест, образовав плотное кольцо вокруг дерущихся. Кое-кто уже даже начал делать ставки: сила пирата против ловкости юноши.

Дотронувшись до рассечённой щеки и с удивлением взглянув на окровавленные пальцы, здоровяк снова бросился на юношу. Но и в этот раз тому удалось легко увернуться: то ли пират был слишком пьян, то ли парень очень умело фехтовал. Взревев от злости, пират левой рукой выхватил из голенища сапога дагу.

Тем временем хозяин таверны, понимая, что драка может закончиться очень плачевно для одного из дерущихся, закричал:

– Эй, Джон! Довольно! Хватит, парни! – и подал знак двум дюжим молодцам разнять дерущихся.

Откровенно говоря, хозяина не слишком волновала судьба бретёров, ему очень не хотелось разбираться потом с властями: одно дело, когда подвыпившие парни пустят друг другу кровь и тут же выпьют мировую, а другое – когда одного из них или, не дай бог, обоих вынесут

вперёд ногами. Поэтому он и решил остановить разошедшихся драчунов. Ну или по крайней мере выпроводить их из своей таверны.

– Я тебя ещё встречу, молокосос! – нехотя подчиняясь и пряча оружие, прорычал тот, кого хозяин таверны назвал Джоном.

– Буду рад встрече! – откликнулся юноша, увлекаемый своим соседом по столу к выходу. Выйдя из «Весёлого Тома», старый моряк спросил молодого человека:

– Как тебя зовут, парень? И что ты забыл в этой дыре? – кивнул он в сторону заведения.

– Мишель. Мишель Фурнье.

* * *

Новый знакомый Мишеля оказался боцманом фрегата «Ласточка». Именно он уговорил капитана Дюрана взять парня на борт, узнав, что тот сносно говорит на английском и очень неплохо на испанском языках, да ещё порассказав о его приключениях в таверне.

– Ты хоть что-нибудь понимаешь в морском деле? – спросил при встрече мсье Дюран, смерив оценивающим взглядом юношу.

– Да, мой отец был моряком.

– Был? А где сейчас твой отец?

– Он погиб. Давно. Его убил на дуэли... – парень запнулся. – Его убили.

Через пару дней капитан Дюран проникся симпатией к молодому человеку и доверил ему вести судовой журнал, ссылаясь на то, что у него самого плохой почерк. Но истинной причиной была малограмотность капитана, которую он старательно скрывал, нанимая на корабль клерков.

Фрегат, гружённый какао и табаком, шёл курсом полный бакштаг. По словам капитана, если ветер не поменяется в течение ещё дней четырёх, они прибудут раньше срока.

Мишель стоял на квартердеке с книгой, которую с позволения капитана он взял из его библиотеки. Хотя одну дюжину книг сложно было назвать библиотекой, тем не менее. Юноша не читал, а смотрел на бескрайний морской простор, и был погружён в свои мысли. Вдруг на горизонте парень заметил какую-то точку. И в это же время матрос, сидящий в вороньем гнезде, заорал во всю глотку:

– На горизонте корабль! Направление зюйд-ост!

Капитан навёл подзорную трубу на точку на горизонте и долго всматривался.

– Флага не видно, – беспокойно произнёс он. – Но при таком направлении ветра он вряд ли нас догонит, кем бы он ни был. Идём ужинать!

Утром капитан Дюран к своему ужасу обнаружил, что ветер за ночь сменился и теперь они шли правым бакштагом. А это значит, что неизвестному кораблю ветер теперь дует попутный! И преследователи, а неизвестный корабль – теперь точно было понятно – преследовал их, не преминули воспользоваться этим и уже были на расстоянии пятнадцати кабельтовых. Поднеся окуляр подзорной трубы к глазу, мсье Дюран тут же опустил руку. Мишель попросил у капитана трубу, чтобы тоже взглянуть на корабль. Дюран слегка подрагивающей рукой протянул юноше трубу, а сам быстрым шагом спустился с квартердека. Мишель разглядел название корабля – «Опасный».

Понимая, что нападения не избежать, команда начала в авральном порядке натягивать над шкафутом прочную сеть, чтобы уберечься от падающих обломков рангоута. С лёгким стуком начали открываться крышки орудийных портов по правому борту. Дюран скомандовал сделать поворот фордевинд в надежде ещё уйти от «Опасного». Но «Ласточка» была тяжелее и манёвр был уже слишком запоздалым. Прогремел выстрел и «Опасного» окутало лёгкое облачко дыма. Перед носом «Ласточки» взметнулся фонтан воды – кораблю велели лечь в дрейф. Следующий выстрел разнёс часть мидель-дека. К слову, «Ласточка» так и не успела

сделать ни одного выстрела, так стремительно «Опасный» нагнал его. И вот уже крюки на концах рей начали рвать такелаж «Ласточки», послышался треск дерева, в которое впивались лапы абордажных кошек, и дикое гиканье абордажной команды, прыгающей на борт.

Первая волна пиратов значительно поредела после мушкетного залпа, но это не спасло «Ласточку» – абордажники, как пауки ползли и ползли. Началась рукопашная схватка. Кровь, крики, стоны, ругань, блеск холодного оружия. Мишель не остался стоять в стороне. С остервенением он рубил и колот отнятой у какого-то мёртвого матроса абордажной саблей, так как его шпага сломалась при втором уже выпад.

В самый разгар боя Мишель заметил его. Капитан Бошен в шёлковом синем камзоле, забрызганном кровью, легко и непринуждённо убивал каждого, кто попадался на его пути. Мишель бросился к Бошену.

– Андре Бошен! – перекрикивая шум драки, окликнул капитана Мишель. – Я пришёл убить тебя!

Бошен повернулся и увидел перед собой юношу с покрасневшим от возбуждения лицом, с растрёпанными светлыми волосами, и горящими ненавистью зелёными глазами. Усмехнувшись недоброй улыбкой, пират развёл в стороны руки.

– Ну, вот он я. Убивай!

Мишель бросился вперёд. Бошен с лёгкостью парировал его удар, чуть не выбив саблю из рук молодого человека. Мишель снова сделал выпад. Пират, смеясь ему в лицо, отражал удар за ударом, словно играл с ним. Вот Бошен рубанул саблей со всей силы, но споткнулся о лежащий под ногами обломок рей, и удар получился скользким. Но и этого хватило, чтобы оставить кровавый след на левом предплечье Мишеля. Юноше сложно было противостоять силе и умению Бошена, но ему помогло провидение. Из-за густых облаков выглянуло утреннее солнце и миг ослепило капитана пиратов, стоящего к нему лицом. Мишелю хватило этого мгновенья, чтобы броситься вперёд и вонзить саблю в грудь Бошена. Пират даже не успел ничего понять, рухнул на палубу. Открыв глаза, он увидел склонившееся над ним лицо светловолосого паренька.

– Кто... ты... такой? – захлёбываясь собственной кровью спросил Андре Бошен.

– Я дочь Мориса Фурнье. Меня зовут Марселла.

* * *

– Брехня! Не поверю, что баба смогла справиться с капитаном пиратов. Матросские байки, – отмахнулся рукой моряк в красной косынке на голове.

– Ну, брехня не брехня, – проскрипела обрюзгшая пожилая женщина. – Рассказываю, что знаю.

– А что стало потом с этой Марселлой? – с горящими от неподдельного интереса глазами спросил молоденький юнга.

– Говорят, она сама стала пираткой.

– Эй, Марселлина! – окликнули старуху из-за соседнего столика. – Посиди с нами! Да расскажи нам какую-нибудь интересную историю.

– Ну, если вы угостите старушку пол пинтой вина, то почему бы и не посидеть с вами?

Пожилая женщина поправила небрежно собранные в хвост седые волосы, перехваченные узкой чёрной лентой, с трудом встала и медленно пошла к другому столу...

Татьяна Луковская ПОШЕХОНСКОЕ ХОЖДЕНИЕ

Иллюстрация Григория Родственникова

«А гости мы белозерские, рода купеческого, славного. Отец мой Яков Меленьтьев имел вереницу корабельную да гонял струги, товаром груженные, и по Белу озеру, и по Шехони, и по Волге. Слово купеческое умел держать, в обиду себя не давал, в убыток не торговал, от того почет и уважение имел, а семья – достаток.

Но случилась беда – прибрал Господь его душу, и настал мой черед отцовское дело перенимать. Стал я в первый свой сплав собираться. Тут матушка моя Матрена Ниловна, сестриц моих к груди прижимая, слезами залилась, приговаривая: «Да на кого ж ты, Яша, нас покинул? Да как жить-то теперь будем? Ведь дурень наш, что телок доверчивый, по миру всё добро твое пустит, без приданого сестер в девках оставит. Обведут его вокруг пальца ловкачи нижегородские, али товар чужой потопит, о небесных пирогах мечтая. Горе нам горькое». Принялся я убеждать родительницу, что всё как надо сделаю да до морозов обернусь с прибытком, только она свое твердит: «А не потопишь товар, так тати хлыновские оберут как липку, хорошо ежели живым выпустят, а то ведь и на дно с камнем на шее кинуть могут. А возьми-ка ты, Митроша, с собой дядьку Патрикея, будет кому за тобой, раззявой, приглядывать».

Что и говорить, обидно мне было такие речи слушать, да и, грешен, дядьку Патрикея я едва выносил, уж больно ворчлив и поучать горазд, от того брать мне старого хрыча-советчика совсем не хотелось, но разве ж матушку переспоришь: «Либо с ним, либо дома сиди, ино материнского благословения не дам».

Выплыли мы из Белоозера тремя кораблями, и дядька при мне, дошли до Гориц, пристали к ночлегу, тут местные старицы привели ко мне вдовицу молодую да стали просить взять ее на кораблик, мол, муж ее три месяца как преставился, а детишек Бог не дал, свекры поедом со свету сживают, довези бедную вдову до Ярославля, будет определяться там в послушницы. И был я готов согласие дать, уж так мне ее жалко стало, только дядька Патрикей как взбеленится: «Не бери, этого еще не хватало – невесть кого на корабль тащить». «Да отчего ж не взять, коли просят, чай, не стеснит?» А он к старицам с вопросом: «А чего это вдовица ваша здесь по месту в Горицкий монастырь не определяется?» А старицы в ответ: «Тетка ее в Ярославле живет, обещала пристроить, а здесь вклад большой нужен. Возьмите, Господь за доброе дело не оставит». А Патрикей знай твердит: «Не надобна». Тут уж мы с дядькой крепко схлестнулись, уж чего я только не выслушал, а всё ж хозяин-то на веренице корабельной – я, моя и взяла. Взошла вдовица на борт, у щеглы робко пристроилась, Степанидой назвалась. А надо сказать, хороша та Стеша, ой, хороша, что и не выскажешь – молода, где надобно округла, очи, что озера в ясный полдень. И зачем такой в монастырь, любого поманила бы, и бесприданницей за себя повел бы? Да я и сам бы посватался, но у матушки нешто разрешения добьешься. Она мне уж нашла Патрикеева свояка племянку...»

– Эй, Митрошка, ты чего там чернила изводишь? – подкрался сзади дядька Патрикей, бесцеремонно заглядывая племяннику через плечо.

Митрофан, дернувшись от неожиданности, спешно прикрыл неровный строй буквиц шапкой.

– То мое дело, – рыкнул он с досады, высохнуть начертанное не успело, размажется теперь.

– Митрофан Яковлевич, Любец впереди, причаливать станем? – крикнул кормчий Анисим.

– Вот еще, у всякого верстового столба причаливать, – ожидаемо проворчал Патрикей. – Всего вдоволь, и до самой Мологи дотянуть можно.

Митрофан стрельнул очами в сторону скучавшей Степаниды. Вдовица, опершись локтями о борт и обхватив ладонями румяные щёки, тоскливым взором рассматривала покрытые вербами берега. А чего бы и не порадовать Стешу, нынче день торговый, небось к пристани

всякой снеди притащили, а можно и по малому торгу с зазнойбой пройтись, леденцов сахарных ей купить.

– Анисим, причаливаем! – через плечо дядьки крикнул кормчему Митрофан.

– Деньгами материнскими сорить не дозволю, – предупредил Патрикей, словно раскрытую книгу прочитав все мысли нерадивого племяшки.

– Свои деньги считай, – рявкнул Митрофан.

– Я вот Матрене-то порассказываю, как тут один петушок хвост перед курицами распустил, – не остался в долгу Патрикей. – Женить пора, чтоб дурь вышла.

Проводив дядьку злым взглядом, Митрофан убрал шапку с листа и, подправив смазанные буквицы, вывел: «А матушка уж нашла мне Патрикеева свояка племяшку, девку нрава вздорного, как и всё их семейство, дай Господь им многие лета, а лицом неказистую». Митрофан вздохнул, дунул на лист, чтобы чернила скорее высохли и, свернув своё «Хождение» трубочкой, спрятал в короб, предусмотрительно провернув ключ, ну, чтобы всякие там, любопытные, нос не совали. Оправил кафтан и мягкой походкой пошёл в сторону вдовицы. Постоял рядом, кашлянул в кулак, привлекая внимание. Стеша подняла синие очи.

– К Любецу причаливать станем. Не желаете, Степанида Леонтьевна, на берег сойти, прогуляться?

– Да мне в Любец совсем и не надобно, – подарила она хитрую улыбку.

– Местные рукодельные, пряники медовые печь горазды, – зашел с другого конца Митрофан.

– Так то дорого, мне и купить не на что, – вздернула Стеша носик, отворачиваясь.

– За то не тревожься, выбирай, что приглянётся, оплатить уж найдется кому.

Стеша беспокойно глянула на приближающиеся крыши селения.

– Ну, если только туда да назад, – задумчиво проговорила она.

– Да, конечно, недолго, – поспешил заверить Митрофан, – туда да назад.

Подговорив Анисима, отвлечь дядьку Патрикея какой-то ерундой, Митрофан, прикрываясь спинами корабельщиков, спешно сошёл со Стешей на берег. Они пробрались сквозь кучную толпу местных торговков, на перебой предлагавших вяленую рыбу да сдобные закутанники, и пошли к торгу. Летнее солнышко ласково припекало плечи, ноги после многодневной качки радовались тверди.

На воскресный торг сошлось много крестьян с окрестных деревень, зазывали драли глотки, размахивали руками, приглашая покупателей к своим лабазам. Стеша пугалась шума и скромно опускала очи, прикрывая лицо платком. Оно конечно, вдовице, в монастырь определяемой, не пристало по торгу расхаживать. Митрофан почувствовал неловкость, что вывел скромницу в разгульный вертеп, ей небось молиться хочется, а он её по лабазам водит. «Ну ничего, сейчас быстро купим, что надобно, и к кораблям».

– Вон и пряники, – обрадовался Митрофан, было бы глупо наобещать с три короба, а так и не купить обещанного.

Он повел Стешу к пряничному развалу, что примостился чуть в стороне от торга.

И тут им дорогу перегородили два огромных мужика: один постарше, с плешью, а второй, помоложе, с редкими курчавыми волосёнками, обещавшими в будущем тоже оголеть затылок.

– Ба-а! Какая встреча! – словно собираясь обнять Степаниду, раскрыл руки тот, что был еще при волосах. – Глядите, какая птичка к нам сама в сети запорхнула.

– Вам чего надобно? – Митрофан смело вышел вперед, закрывая собой вдовицу.

– От тебя, молокосос, ничего. Авдотья, а чего ж это ты одна вдруг по нашим угодыям ходишь? – завертел головой плешивый. – Ватага где?

– Вы обознались, ступайте отсюда! – прикрикнул на детин Митрофан.

Ответом был издевательский хохот.

– Это что ж, любезник твой? – плешивый бесцеремонно врезал защитнику оплеуху, да так, что Митрофан отлетел на пару шагов. – А Тишка мой не лучше ли будет, а? Чай, бык-то завсегда бычка поспоривстей станется.

Митрофан ошалело кинулся на обидчика, но получил новую затрещину, падая расквашенным носом в любецкую пыль.

– Чего надо? – чужим злым голосом проговорила Степанида.

– Лепка не свою рыбу ловит, – рыкнул тот, что помоложе.

– Не тебе указывать, где, кому и чего ловить, – уперла вдовица руки в бока, – за собой следите.

– А вот прихватим тебя сейчас с собой, так и разберёмся, где да чьи уголья, – и оба амбала разом пошли на Степаниду.

Митрофан разъяренным котом прыгнул на загровок молодого, пытаясь придавить мощную шею рукой, его замотало как тряпку на ветру. Рядом раздался дикий крик, это Стешка, извернувшись, прокусила палец плешивому, пытавшемуся прикрыть ей рот.

– Корабельные, хозяина бьют! – заорала вдовица, лягаясь.

Плешивый в драке стащил с нее платок и повой, богатая русая коса упала на спину. Митрофан уже валялся на земле, его лупили тяжёлыми сапогами. Силы были явно не равны. Вдруг плешивый обмяк и рухнул на землю. Молодой перестал бить Митрофана.

– Данила! Да как же это? Ах ты ж, сучка! Убью!

Оставшийся в одиночестве детина, ослепленный яростью, попёр на вдовицу.

– Уйди по-хорошему, – в руках у Степаниды блеснул окровавленный нож.

– Да я тебя...

Но ничего не успел сделать, в сторону драки уже неслись люди Митрофана. Детина сплюнул и, со словами: «Ещё поквитаемся», дал дёру.

Степанида быстрым движением отшвырнула нож в траву. Корабельные, охая и ахая, обступили помятого хозяина, подали ему шапку, кинулись стряхивать пыль с кафтана.

– Это он, защитник мой, живота не жалея, меня, сирую, спас, – быстро убрала косу под повой Степанида и подала Митрофану беленький убрусец, утереть продолжавшую капать из носа кровь. – Уж так силён, двоих разом одолел, – неожиданно, припав на колено, поцеловала она Митрофану руку.

– Да то не я... – промямлил Митрофан, но корабельщики уже повели его к пристани.

Местные, расступившись, провожали их гробовым молчанием. И только краем уха Митрофан расслышал от одной из баб: «А не Лепки ли Косого девка?» Сказала и тут же смолкла, так как на неё кто-то шикнул.

Ночь просилась на корму, большая жёлтая луна опечаленно глядела в черную воду. Степанида рыдала навзрыд, уткнувшись лицом в ладони.

– Ну, будет, будет так убиваться, – неловко успокаивал ее Митрофан. – Чего ж так убиваться?

– Да как ты не поймешь, я человека убила, страдальца без покаяния на тот свет отправила! Нет мне прощения, – и она разрыдалась еще громче.

– Тоже мне страдалец. Да он сам на нас напал, ты меня спасла, они меня до смерти чуть не забили... туда ему и дорога, – Митрофан кончиками пальцев коснулся ее плеча.

Стеша, шмыгнув носом, торопливо утёрла слезы.

– А дядька твой меня во всем обвинил, что это я тебя чуть не сгубила, – всхлинула Стеша. – А разве ж это я на берег просилась? Али тебя куда тянула? Да кто мог подумать, что те злыдни меня за какую-то там Анисью примут, в чем моя вина?

– Про Авдотью они вроде баяли, да не суть. Вина только моя, сам тебя на торг потянул. Не слушай дядьку, он всегда чем-то недоволен, порода такая. А то, что те дурни тебя с кем-то спутали, так кто ж им виноват, коли очи подводят. Уж такую нелепицу молולי.

– А ты храбрый, – улыбнулась Стеша, вытирая слезы. – Заступник мой, – зевнула она.

Митрофан бережно укутал задремавшую под щеглой зазною тёплым одеялом, чтобы от ночного духа не просквозило, и побрел вдоль борта тоже укладываться на ночлег. Вот это денёк выдался! Поясницу ломило, рассеченная скула гудела, нос тоже напоминал о себе. Митрофан взбил подушку, но все же не лег, а пересиливая сон, при огарке свечи, принялся излагать на бумагу пережитое: «И вот причалили мы к Любецу малому. Решил я порадовать Степаниду Леонтьевну пряниками...»

Проснулся молодой хозяин от шума, идущего от кормы, кто-то крепко ругался – два низких мужских голоса и звонкий женский. «Чего там ещё?» – пробурчал Митрофан, протирая спящего глаза.

Ну, конечно, можно было и догадаться, опять дядьке мирно не сиделось. Патрикей злым гусем кидался на Степаниду, и, наверное, добрался бы до вдовицы, но его крепко удерживали корабельные, рядом напрасно пытался урезонить расходившегося буяна Анисим. Митрофан побежал к корме.

– Чего стряслось? – влетел он в гушу свары.

– Это она, она – лиходейка проклятая! – оглушая, заорал Патрикей.

– Какая лиходейка, ты, дядько, чай, бражки с утра уж хлебнул?

– Она перья по воде пускала, больше некому! На погибель нам.

– Какие перья? – покосился Митрофан на Анисима, уж не помутился ли рассудком Патрикей.

– Совиные, – подтвердил кормчий.

– Людишек лихих на нас наводит, – дернулся в крепких руках Патрикей. – Да отпустите вы меня, чего вцепились!

Корабельные вопросительно уставились на молодого хозяина.

– Отпустите, – велел Митрофан, но из предосторожности прикрыл Стешу спиной. – Сказывай ты, Анисим.

– Да и сказывать особо нечего, я с рассветом у борта стоял, туман был плотный, слышу лёгкое плюх совсем рядом, перегнулся, очи напряг, гляжу – что-то колышется. Прощке сказал, тот веслом зачерпнул. Вот, – и Анисим протянул Митрофану кусок коры, в который торчком были вставлены три пёстрых пера. – Такие перья на Вятке да на Каме, говорят, – знак лихим людишкам, что суда добром гружёные, а охрана худая. Да, может, просто шуткует кто, – неловко пожал кормчий плечами.

– Я ей пошучу, я ей так пошучу! – снова кинулся на вдову Патрикей.

– Это не я, – жалобно пискнула на ухо Митрофану Стеша.

– Это не она, – уверенно сказал Митрофан, продолжая прикрывать собой вдовицу.

– Окрутила уже сосунка, ведьма!

– Я те не сосунок, старый хрыч! – не остался в долгу Митрофан.

– Вот, значит, как, за всё мое старание, – сразу обратился в кусок льда Патрикей, картинно скрепя руки на груди. – Выбирай, либо она, либо я, дядька твой родной, кровь единая. Скоро Ягорба, пусть на берег сходит, ино я сойду. Двоим нам тут делать нечего.

– Хватит чудить, – буркнул Митрофан.

– Я свое слово сказал, назад не заберу, – совсем уж горделиво произнес Патрикей.

Митрофан беспомощно обернулся на Стешу, та замерла стройной берёзкой, в глазах вопрос, мол, что вышвырнешь меня, как кошку приبلудную, на погибель.

– Я Степаниду Леонтьевну в обиду не дам, я слово купеческое дал, что до Ярославля её довезу.

– Твоё дело. Вели причаливать, – отвернулся Патрикей от племянника.

То было дурно – высадить неведомо где родного дядьку – матушка, должно, отречётся от такого сына, люди отвернутся, будут пальцем показывать, дескать, вон он, племянничек худой, родную кровь на бабу сменял... но как, как кинуть на берегу беззащитную молодую вдовицу, только от того, что Патрикею шлея под хвост попала? «Ничего, сейчас причалим, дойдёт дело на берег сходить, так он передумает».

Но дядька не передумал, сплюнув на прощание, не оглядываясь, он сошел в Ягорбе налегке, ничего не взяв, кроме простенького кафтана. Митрофан велел медленно отплывать, всё еще надеясь, что Патрикей одумается и замашет руками, мол, возвращайтесь, да только дядька быстро скрылся из виду. Гордость оказалась сильнее разума. Опечаленный Митрофан уселся на корабль, даже выводить буквы ему не хотелось, как про такое писать?

– Спасибо, что не прогнал, – подсела к нему Степанида. – Страху натерпелась, думала погонишь.

– Я слово умею держать, – хмуро проговорил Митрофан, хоть и не виновата она была ни в чем, а видеть её сейчас ему тоже не хотелось.

Как с матушкой объясняться – вот о чем голова болела. А, может, на обратной дороге удастся этого упёртого забрать?

Весла мерно вздымались и опускались в тёмную воду, корабельная вереница уходила все дальше и дальше. Солнце, перевалив полдень, покатило к краю леса. Ни встречных, ни попутных судов не проплывало мимо, да и крыши деревень перестали попадаться на берегу. Глухое место. Где-то впереди должно появиться устье Маткомы, бежавшей из топких болот на встречу с Шехонью.

Резкий свист разорвал тишину.

– К бою! – заорал Анисим. – Самострелы заряжай! Багры готовь!

Молодой хозяин подлетел к кормчему, но спрашивать ничего уж не требовалось, Митрофан и сам всё увидел – стая хищных волков с двух сторон, наперерез корабельной веренице, плыли узкие дощаники, полные бородатых мужиков с бердышами, топориками да пищалями. Вот и речные тати. А ежели дядька был прав? Ежели эта Стешка, а, может, Авдотья, их и навела? Митрофан оглянулся на вдовицу, она стояла у щеглы, с такой же тревогой наблюдая происходящее.

Чего уж теперь гадать, биться надобно. Митрофан вынул из корабля отцовскую саблю.

– Под пули не подставляйся, хозяин, сами мы, – спешно натягивал тегилай Анисим.

Да где там, разве ж можно отсиживаться, когда люди на смерть идут. Митрофан тоже надел кольчугу. Разбойные лодки меж тем приближались, на ближайшей он разглядел детину из Любца. Курчавый недобро скалился, держа наготове кистень. «Эх, отчего ж отец пушку не купил. Ежели в живых останусь, так на пушку разорюсь. Николай Угодник, помоги», – перекрестился Митрофан. Корабельные, набирая скорость, начали выстраивать корабли клином, чтобы мощным тараном пробиться сквозь лодки, гребцы во всю прыть напирали на вёсла. Первые пули засвистели над головами, оставляя дыры в парусах. С кораблей отдавались ответными залпами, тоже не причинив особого урона.

– Прорвёмся! – подбадривающе прокричал Анисим.

И тут из воды вынырнула тяжёлая железная цепь, передний корабль упёрся в нее носом. Разбойные людишки, удерживающие с лодок цепь, от резкого рывка попадали в воду, но их цель всё ж была достигнута – корабли сбавили ход.

– Сарынь на кичку! – прокричал широкоплечий чернородый разбойник, и подгоняемые своим атаманом тати пестрой лавиной полезли на торговые суда.

Корабельные пытались отпихнуть вражеские лодки баграми, снова слышались выстрелы – и с той, и с другой стороны пролилась кровь. Первый ловкач шлёпнулся босыми ногами на палубу, но был оглушен тяжёлой дубиной Прошки-гребца. Бой закипел на кораблях. Корабельные бились отчаянно, но татей было слишком много, один за другим товарищи падали на липкие от крови доски.

Митрофан лез в гущу, но развернуться ему не давал Анисим, кормчий упорно прикрывал его собою, разбрасывая татей направо и налево.

Визг Стеши заставил Митрофана оглянуться. К вдовице приближался любецкий детина, Стеша, пятясь от него, уперлась в борт, дальше отступать было некуда. Митрофан, размахиваясь саблей, кинулся на помощь. Детина, уловив краем глаза угрозу, развернулся и пошёл на него. Цепь кистеня легко выдернула саблю из неумелых рук, детина снова размахнулся, чтобы нанести смертельный удар, но рухнул к ногам Митрофана. Это Стеша грохнула татя коробом по заливку, но не удержалась и, перевалившись через борт, плюхнулась в реку.

Митрофан, на ходу сдирая с себя кольчугу и скидывая сапоги, подлетел к борту, внизу была только чёрная вода. На дно пошла! И он прыгнул, не успев ничего обдумать, Шехонь сомкнула холодные воды над его головой.

– Ты чего ж, дурень, в воду прыгал, коли плавать не умеешь?

Митрофан открыл тяжелые веки, над ним склонилась мокрая Стеша, с непокрытых волос на лицо Митрофану падали тяжёлые капли.

– Спасать тебя.

– Да уж не утонула бы, – ловко выжала Стеша косу.

– А наши-то как?! – вскочил на ноги Митрофан и тут же закашлялся, сгибаясь пополам.

– Куда, дурной, сядь, – дернула его Стеша за рукав.

Митрофан видел, что корабли в окружении лодок, как скрученные пленники, уплывали прочь. Разбойники победили. А как же корабельные? Все сгинули? Стало так горько, что хоть опять в воду лезь.

«Как теперь быть? Как с повинной головой домой возвращаться? Как объяснить, что вот я живой, а людей своих не сберёг?!»

Стеша подошла сзади, положила тёплую ладонь на плечо.

– Зачем ты меня вытащила? – вздохнул Митрофан. – Лучше б я утоп.

– Утонуть всегда успеешь. Просохнуть надобно да поспать, а утром видно будет.

Она быстро насобирала сухих веток и ловко развела костер неведомо откуда взявшимся у нее кресалом. Хозяйственная, что и говорить.

Ночь медленно затягивала окрестные леса плотным покрывалом, следовало укладываться спать. Митрофан, послушно выполняя приказание, принялся ломать ветки на лежанку. Но поспать в лесу им не довелось, из сумрака на середину реки выплыли два больших струга.

Степанида, выхватив горящую ветку из костра, начала ей размахивать и шуметь, привлекая внимание. На одном из судов замелькал ответный огонёк. На воду скользнула лодочка.

– Жить хочешь, или всё еще топиться собираешься? – обернулась Степанида к Митрофану, сверкнув очами.

– Жить... хочу, – почувствовал недоброе Митрофан.

– Тогда веди себя тихо, да со всем соглашайся.

Разбойные морды на палубе сразу дали понять горемычному купчине, что испытания его далеко не закончены.

– Ты где должна была сойти?! – зарычал на Стешу одноглазый мужик в соболиной шапке и с рубиновой серьгой в ухе. – Ты почему в Ягорбе не сошла, как сговаривались? Я тебя там два дня ждал, а сошёл какой-то блажной? Два дня, дура ты этакая!

Митрофан привычно попытался прикрыть Стешу собой от разъяренного атамана.

– А это еще кто таков?! Зачем за собой притащила?! – ткнул одноглазый в Митрофана толстым пальцем.

– Это муж мой, – выдала Стеша, сама прикрывая собой Митрофана.

Грянул дружный смех, и только атаман сверлил новоявленного родственничка недобрым взглядом.

– Какой там муж? Девку мою попортил, убью, собака! – через плечо Стеша потянулся он к шее Митрофана.

– Венчанный, венчанный муж, – бесцеремонно оттолкнула атамана Стешка. – В Любце повенчались, не веришь, тамошнего попа спроси. Я теперь жена гостя почтенного... купчиха, понял ли?

Снова грянул раскатистый хохот. «Ай, да Авдотья, ай да купчиха!»

– Я своего благословения не давал, – рявкнул атаман.

– Митрофан Яковлевич меня от людишек Кучки Рябого спас. Не то что некоторые, сестрицу в любое пекло послать готовы.

– Да кто тебя посылал, сама напросилась, – буркнул атаман. – Ну, пошли, что ли, родственничек, отметим, – уже дружелюбно похлопал он Митрофана по спине.

– Не время отмечать, – разъединила их Авдотья. – Кучку приструнить нужно. Он по твоей вотчине, как у себя дома хаживает, чужое добро грабит. Мужа моего донага обобрал сегодня.

– Как сегодня? Здесь? Это ж моя сторона?!

– И я ж про то, ни стыда у людей ни совести, – хмыкнула Авдотья.

– Ну, я ему зубы-то пересчитаю.

Грозный атаман высадил Авдотью с Митрофаном на пустынном берегу и поплыл со своей ватагой, догонять соперников, забравшихся охотиться в чужие «угодья». А Авдотья по едва уловимой стежке повела новоявленного мужа вглубь топкого болота.

– Переночуем у нас да отдохнем, пока братец кораблики твои вызволять отправился, – как-то робко проговорила Авдотья, не поворачиваясь к Митрофану. – Ты не думай, вернет всё, что уцелело, поплывешь дальше в целостности и сохранности. А потом уж я брату скажу, что про венчание соврала, он к моим небылицам привык. Ты меня спас, так и я тебя спасла, а по-другому никак нельзя было.

Митрофан угрюмо молчал, рассматривая темную траву под ногами.

– Да, – резко повернулась к нему Авдотья, – ремесло у нас такое. Так выбирать не приходилось. Да, должна была я на вас ватагу навести, для того меня к вам и пристроили, только я ж передумала... я ж хотела тебе сказать, правда, но не успела, Кучка первым напал. Не веришь?

Веришь – не веришь, какая разница, уж крепко Митрофан связан с этой бедовой девчонкой. Он шагнул в темноте к своей зазнобе и смело поцеловал.

– А в Ярославле повенчаемся? – тихо спросила Авдотья.

– Повенчаемся.

– Слово даешь купеческое?

– Слово даю.

Три дня Митрофан с молодой женой гостил в логове пошехонского атамана, срубленном посреди болот остроге, на четвертый день явился Лепка Косой и выгрузил на стол короб Митрофана, да-да, тот самый короб, которым Авдотья приложила курчавого татя, спасая любимого, тот, в котором на дне лежали недописанные «Хождения».

– А люди мои?! – разволновался Митрофан.

– Ну, кто уцелел, на дворе.

Митрофан быстрее ветра вылетел во двор. От его корабельных осталась лишь половина, да и те крепко битые, либо раненые, но как же радостно было видеть сидящего в тени у забора кормчего Анисима, живого да здорового, только с темным синюшным кругом под правым глазом. Митрофан обнялся с каждым, каждому раскланялся, обещал не оставить без помощи.

– Жив ли Кучка Рябой? – спросила Авдотья у грозного брата.

– Жив, велел кланяться, прощения просит, – с хищной ухмылкой отозвался атаман. – Сманил его на дурное купчина один, обещал все добро да корабли отдать, ежели только племянничка в бою на тот свет отправят. Вот Рябой и соблазнился, да об том сожалеет... крепко сожалеет.

– Племянничка?! Патрикей? – подпрыгнул Митрофан. – Быть того не может?!

– Очень даже может, – подтвердила Авдотья. – Я никаких перьев не кидала, все он. Устроил твой дядька ссору на пустом месте, чтобы на берег сойти, знал, лиходея, что бой будет, вот живота ради и сошел.

– Но зачем ему то? – выдохнул Митрофан.

– Это уж ты сам мозгами пораскинь, – за сестру ответил Лепко.

А нечего там особо и раскидывать. Коли Митрофан сгинет, единственный мужик в семье – Патрикей, матушка ему доверяет, всё в его руках бы оказалось – и кочи, что по Белу озеру гоняют, и дом крепкий, и амбары, и долговые расписки, на деньги отцом артельщикам ссуженные. Многое тати отобрала, да ещё много чего осталось бы. Вот так злодейство.

«Оженился я в Ярославле, взяв за себя сестрицу гостя почтенного, что вызволил меня из беды крепкой. Давал сей гость за сестрицею своею приданое богатое, да я отказался, авось сами наживем.

Возвернулись мы домой, на Белоозеро, сошли на берег да ко двору родному повернули. Зашел я первым в дом, гляжу, а семейство мое – мать да сестрицы за столом сидят, пригорюнившись, и Патрикей, пёсий хвост, на месте отца моего рассиживает, пироги наши лопают да сбитнем запивают за помин души моей. «Не рано ли меня хоронишь?» Он как голос мой услышал, так с лавки и упал, по очам моим всё понял. Ну, чего уж скрывать, отходил я его сапогом отцовским знатно, надо бы для суда волостелю сдать, да всё ж родня, по-свойски разобрался.

А матушка жену мою приняла как дочь родную, очень уж благодарна была за спасение моё счастливое. Вот такая история, детушки мои, со мной приключилась. Остерегайтесь дурных людей, на чужих ошибках поучайтесь да без пушки надёжной на реку не суйтесь».

Примечания

Шехонь – *Шексна.*

Щегла – *мачта.*

Закутанники – *закртыые пирожки с начинкой.*

Убрус — *платок.*

Павел Виноградов БИЛЛИ БОНС И ДЕЙВИ ДЖОНС

Иллюстрация Марики Становой

Чёрт! Как же больно просыпаться! Языческое солнце обрушилось на меня и мгновенно выело мозги – если они ещё оставались. Боль, которую я сперва принял за уже привычные мучения от рома, пронизала всё тело. Уши заложил шум океана – проклятого Сундука Дейви

Джонса. Он был точь-в-точь как шум в такой розовой ракушке, удивительно похожей на женскую штучку, ну, вы знаете – если плотно приложить её к уху – раковину, конечно, а не штучку.

Жмурясь, чтобы защититься от адова сияния неба и моря, я нащупал горлышко бутылки, и сразу же присосался. Нутро окатило пламенным ядом, но безобразная жажда отступила – ровно настолько, чтобы боль сконцентрировалась в ноге. По сравнению с прочими здешними удовольствиями мой раздробленный смердящий костыль был сущей шуткой, но на сей раз чего-то уж слишком дёргал. Вдобавок мои уши сквозь дырки, ромом пробитые в тошнотворном шуме, уловили какое-то хлюпающее ворчание.

Я приоткрыл глаза и увидел, что мою ногу трудолюбиво глодает тощее и грязное существо. Оно с урчанием вгрызалась в гниющую рану, пытаюсь одновременно кусать и лизать. Это был Луи, Луи Арот, французский юнга, по доброй воле перешедший к нам с работорговца «Конкорд», который оприходовала наша лихая флотилия.

Мальчик грезил подвигами джентльменов удачи, но, конечно, его быстро обломали под себя негодяи из грязной команды нашего славного капитана Эдварда Тича, Чёрной Бороды. Бедный парень, может быть, и выдержал бы первые два-три года, а потом стал бы таким же бешеным псом, как любой из нас.

Но судьба положила ему оказаться здесь и полностью свихнуться от жары и рома. А ведь он даже не принимал участие в небольшом дружеском споре, после которого мы сюда и попали. Вряд ли он протянет долго.

Я несильно саданул его по башке пустой бутылкой и отпихнул здоровой ногой. Мальчуган заскулил и пополз по песку прочь. Спустя несколько ярдов он, шатаясь, поднялся на ноги и заорал, запрокинув почерневшее лицо к безжалостным раскалённым небесам:

– Йо-хо-хо, и в бутылке ром!

Со всех сторон ему нестройно ответили хриплые голоса нашей съехавшей с катушек команды. Ребята давным-давно расползлись по всему острову, благо, слишком далеко тут не уползёшь: полторы мили в длину, половину в ширину, да невысокий каменистый холм. И ни одного кустика чтобы укрыться от беспощадного солнца, одни мерзкие колючки. Вот и весь этот риф, Богом забытый Сундук Мертвеца.

И маячат по нему унылые шатающиеся фигуры, а мертвецы путаются среди них, машут руками, скалятся, лакают ром и всячески притворяются живыми. Их становится всё больше, скоро всё тут заполнится призраками, среди которых живые исчезнут, словно их и не было. Ведь живых-то всего пятнадцать – столько высадили с барка «Авантюр», которым я, шкипер Билли по прозвищу Бонс, недолго командовал. И песня родилась в первый вечер, когда мы дружной командой расселись на здешнем пляже и абордажными саблями сшибали горлышки бутылок, провожая взглядами удаляющийся в сторону Северной Каролины флагман флотилии капитана Тича «Мечь королевы Анны», увозящий сундучок с золотом, из-за которого всё, собственно, и случилось.

– *Пятнадцать человек на Сундук Мертвеца,*

Йо-хо-хо, и в бутылке ром!

Пей, и дьявол тебя доведёт до конца.

Йо-хо-хо, и в бутылке ром!

Мы горланили это всю ночь и половину следующего дня, пока солнце не расплавало нам мозги. А дальше не могли придумать ни слова. Может быть когда-нибудь, когда эта история расплзётся среди моряков, кто-нибудь и досочиняет нашу песенку. Но тогда нам всем будет на это глубоко наплевать, а пока достаточно и одного куплета

Мы орали его и глушили ром, благо, недостатка в нём не было – с «Королевы Анны» сгрузили ящики с бутылками, множество ящичков, взятых во вместительном трюме голландского торговца. Эти ящики, да ещё связка абордажных сабель – вот всё, что оставил нам добрый наш капитан. И в этом была его змеиная мудрость прожжённого дельца пополам с жестокостью

тигра-людоеда. Он ведь прекрасно знал, что моряку нужен только ром, что на ром джентльмены удачи просаживали все свои кровью взятые деньги. И он не казнил нас, нет, сэр, он просто дал нам то, что мы сами хотели. Надо ли рассказывать, как видел он будущее? Что морячки на острове, где совсем нет пресной воды, под ужасающим солнцем станут лакать и лакать пламя тростникового сока, пока им не начнут мерещиться груды золотых монет на дне морском, райские девы и адские дьяволы. И вот тогда они возьмут сабельки, которыми очень неплохо умеют махать, да и положат друг друга на пляже, по которому снуют отвратительные мелкие крабы. И тогда этот блудный остров по праву заслужит своё название – потому что всё это из-за сундука, сундука с проклятым золотом. Нет, Тич не был нашим палачом, он был всего лишь торговцем, которому мы задолжали. И он намеревался получить свои проклятые проценты.

Думал ли я, Билли Бонс, в море вышедший, когда мне не было и четырнадцати годов, и первый раз глотнувший рома после первого своего абордажа, который случился через неделю, что когда-нибудь ром, которым я жил, который был мне и мясом, и водой, и женой, и другом, станет так жестоко убивать меня и моих людей! Представляю, как хохотал, отходя от острова, старый чёрт Тич!

Я видел слишком много жестокостей, о которых в доброй старой Англии никто не подозревает, да и сам совершил их немало. Но убей меня Бог, если это не слишком – вот так истязать моряков, вся вина которых в их жадности, а покажите-ка мне не жадного джентльмена удачи... Тич сам виноват, когда близ Чарлстона предоставил нам добывать уже хорошо порванный нашими пушками шлюп, а сам на своей «Анне» погнался за более завидной добычей – неуклюжим барком. Ведь именно на неприглядный шлюп уплывающий в Англию на отдых старый каролинский работоровец погрузил всё своё золото, выжатое из чёрных рабских шкур. Когда я открыл сундучок после абордажа, и в лицо мне сверкнуло, я просто обомлел. А старый торговец человеческим мясом (который, надо думать, тоже только удовлетворял спрос на свой товар) совсем опечалился, и чтобы не расстраивать его дальше, я легонько полоснул ему саблей по горлу.

Я, конечно, понимал, что начнётся на борту «Авантюра», когда туда попадёт ящик, но даже не думал, что боцман Грэй так быстро сговорится с коком, который был ещё и командиром абордажной команды. Их тоже было пятнадцать, тех, кто решил избавиться от меня и остальных и уплыть с волшебным сундучком туда, где их не найдёт ни капитан Тич, ни Его Величество король, ни даже морской чёрт Дейви Джонс. Но уж от этого-то спасения нет, настиг он их, конечно, когда все они упокоились на дне его сундука, завёрнутые в грот и обвязанные линём. В общем, Арти Грэй прирезал моего помощника Тома Моргана, и, пожалуй, добрался бы до меня, если бы Дарби Мак Гроу не хватил его пришедшимся под руку багром, через что у боцмана из башки выплеснулись мозги. А Дарби мозги вышиб кок – из пистолета. У меня не было времени доставать саблю, я просто схватил паршивца за горло и вырвал кадык. Он ещё и отвратительно готовил. Позже выяснилось, что он прирезал в трюме своего повара – видимо, мальчишка пытался меня предупредить. Ну и всё пошло, как пошло – ребята грызли сталь и глотали свинец, пока из всей команды не осталось нас пятнадцать, выдохшихся, как пеоны на плантациях Мейна.

– Йо-хо-хо, и в бутылке ром!

Мы смотрели друг на друга, прикидывая, продолжать ли делёж добычи, или поднять все паруса и нестись отсюда, пока не появился Тич – я ведь тоже решил, что буду проклят, если отдам золотой сундучок в пасть нашего любезного капитана. Но пока мы пялились друг на друга, стало уже поздно – вот она, «Королева Анна», заходит с левого борта и плещется над ней личный флаг мистера Тича: рогатый скелет с песочными часами в одной руке и копьём в другой, собирающейся пронзить алое сердце. Я часто думал над смыслом этого изображения, и мысли мои были печальными. Славный наш капитан Тич стоял на четвердеке и весь прямотаки сиял от самодовольства. Напоминал он ходячий арсенал, потому что весь был обвешан

пистолетами и размахивал огромным тесаком. Чёрную бороду, заплетённую в косички, развеивал ветерок. Два зажжённых фитиля, которые свешивались из-под шляпы справа и слева от его лица, дымили немилосердно – капитан любил откалывать такие штучки. Как-то он спустился с перепившейся командой в трюм, зажёл там бочку с серой, закрыл все люки и не выпускал никого, пока его не начали умолять. Просто хотел показать морячкам, что такое ад. Он это хорошо знает надо думать... Вот такой человек приближался сейчас к нам, и глаза его сверкали так, словно и вправду он сам дьявол из преисподней. За спиной его толпились ухмыляющиеся негодяи из его команды.

– Что, Билли, вздумал обвести старенького папу?! – проревел он мне, когда борт ударился о борт и команда «Анны» попрыгала на палубу «Авантюра». Дратся у нас не было ни сил, ни возможности, мы просто стояли и ждали, что с нами будет.

Тич тянуть не стал – всадил пулю мне в ногу.

Теперь я думаю, что, послав нас в погоню за шлюпом, он знал, что золото на его борту, и что мы схватимся друг с другом за него. А когда половина из нас прикончит другую, из засады появится он, Тич, и покарает мятежников. Кто выживет, ему было безразлично – он терпеть не мог и меня, и весь экипаж «Авантюра». Это был очень умный и очень-очень злой человек, капитан Тич, Чёрная Борода, и смерть для него не значило ровно ничего.

Да и что ожидать от человека, который заставлял плантаторов выдавать за него замуж юных дочерей, а после первой брачной ночи отдавал их своей команде... Я слышал, что таких «жён» у него было то ли двадцать, то ли тридцать. Помню одну маленькую креолку... Впрочем, это неважно.

Боль была дикой, я и сознание потерял, а очнулся уже на Сундуке Мертвеца, куда меня перенесли, кое-как перевязав. Дела мои были плохи – пуля раздробила кость и вскоре рана загнила. Но теперь это уже не имело значения.

И ведь сперва всё так и было, как задумал злодей Тич. Парни горланили и пили на островке, и ром всё больше вымывал из них людей. Потом кто-то выругался, кто-то ответил, завизжала выходящая из ножен сталь, пролилась кровь... И тут меня что-то словно толкнуло.

Я сидел в сторонке и, привалившись к чуть менее горячему, чем весь остальной мир, камню, потихоньку потягивал из бутылки. Нога болела, словно её уже зажаривали в аду. Возможно, так оно на самом деле и было. Но когда зазвенели клинки, я резво вскочил. Даже боль вроде прошла. Я опирался на саблю в ножнах, а другая, обнажённая, была у меня в правой руке.

– Джентльмены! – рёв мой был крепок, как в былые дни под штормом или орудийным огнём. – Мы все очень плохие христиане, не читавшие Библию. Мы бесчестные и кровожадные животные, и всех нас рано или поздно ждёт петля, а за ней геенна огненная. Да и поделом нам. Но пока ещё черти не разодрали нас, мы живём в этом проклятом мире и желаем в нём выжить. Вы ведь хотите жить?

Уж не знаю, откуда во мне взялись все эти слова, но ребята молчали и, приоткрыв рты, внимали им, а на последний мой вопрос дружно заорали:

– Да!!

– А коли хотите, – продолжал я, – нам надо перехитрить этого грязного старого чёрта, капитана Тича, который хихикает и думает, что мы тут перережем друг друга, чтобы у его банды не осталось работы. Но мы проведём его за нос, его, ром и самого дьявола! Мы будем сидеть на чёртовом Сундуке Мертвеца, мы будем лакать ром и орать песни. Но будем прокляты, если обнажим наши сабли чтобы убить кого-то из ближних! Мы и так слишком много убивали. Пусть покоятся наши жертвы, мы больше не прибавим к ним новых. Я всё сказал, а если кто-то с этим не согласен, он будет иметь дело со мной.

– Ну что, джентльмены, – я обвёл взглядом перекошенные безумием и жаждой рожки моих дорогих братьев, – кто-нибудь желает иметь дело со стариной Билли Бонсом?

Никто, конечно, не желал. Я был на одной ноге, но это ничего не меняло – я чувствовал в себе силы для драки. И все помнили ходившие про меня рассказы, например, как я первым прыгнул на борт испанской бригантины, а в это время наш шлюп оторвало от неё, и я оказался среди пары десятков матросов и торговцев, жаждущих сорвать с меня шкуру. И когда ребятам всё-таки удалось вторично зацепиться за бригантину, они обнаружили меня с окровавленной саблей над горой трупов, а оставшиеся испанцы сбились в трусливую кучу на корме. Могу сказать, что всё это очень близко к правде.

Вот так я объявил о нашем банкротстве, и так с тех пор мы и жили. Я не знаю, как долго – мы не считали дни. Ночь приносила тяжкий пьяный сон, наполненный смертью и ужасом. До восхода солнца по моему приказу мы растягивали на песке просолённые матросские куртки, на которые оседала роса. Мы слегка размешивали её с морской водой и ромом и делили поровну – я сам наблюдал, как это происходит. На несколько капель больше доставалось совсем плохим – Луи Ароту, Биллу Джуксу, получившему на прощанье от Тича шесть дюжин кошек в уплату старых долгов, и Полу Грейпсу, который, зашибив в камнях спину, еле таскал ноги. А ещё мы ловили чёрных крабов, похожих на огромных тараканов. На вкус они были омерзительны, но мы поедали их с жадностью.

Потом мы разбредались кто куда. Одни оставались на пляже, поближе к ящикам. Пляж ведь был единственным местом на этом клочке суши, где можно расположиться с хоть какими-то удобствами. Кого-то несло к камням на вершине холма – им всё казалось, что там прохладнее. Другие в поисках одиночества продирались сквозь заросли колючего бурьяна, и, найдя местечко посвободнее, валились без сил. Но все забирали с собой бутылки, сколько могли унести.

Весь день снаружи нас сжигало солнце, а изнутри ром. Наши истощённые тела впитывали яд без остатка, мы даже не могли слёвывать его, как постоянно случалось первое время. Мы знали, что скоро умрём, и ждали этого с отрешённой обречённостью. Но смерть не торопилась. Вокруг, куда ни кинь взгляд с Сундука Мертвеца, сиял смертельный Сундук Дейви Джонса, терпеливо ожидающий нас. Казалось, нет ничего легче, чем зайти в океан поглубже и нырнуть. Там мокро, темно и прохладно, там перестанет мучить жажда. Но ни один из нас не пожелал такого избавления. Не спрашивайте меня почему, я не знаю.

В какой-то момент, когда солнце выжрало мой мозг более чем наполовину, мне стало казаться, что этот Сундук Мертвеца – единственное, что даёт мне... я не знаю, что такое надежда, но, может быть, оно то самое и есть. Может быть, ром для нас тоже лишь средство? Может быть, он нам нужен затем, что приносит муки, которые прекратит только смерть? Наверное, я всё же сошёл с ума.

Тогда-то к нам и стали приходиться мертвецы. То тут, то там возникали нелепые, невозможные здесь фигуры, мужчины и женщины. У одних шкура отваливалась клочьями, другие вообще сверкали голыми костями. Но они ходили, смеялись нам в лицо, дразнили и лакали наш ром. Первое время мы кидались на них с саблями – ведь запрет мой касался только убийства ближних, а не чудищ, хозяин которым чёрт. Но нельзя убить уже убитых, а выпитый ими ром словно бы никуда и не девался. Напротив, казалось, его становится всё больше, словно он сам был океаном, алчущем поглотить нас. И мы перестали обращать на мертвецов внимание – ведь они не кусаются.

Да, да, всё это были призраки убитых нами людей. Но если они думали нас напугать или заставить страдать, то просчитались – мы уже были перепуганы до смерти и страдали беспредельно. Одно время вокруг меня увивался задушенный мной на «Авантюре» кок, чья голова потешно подсакивала на шее. Он подвывал и щерился мне в лицо мёртвой улыбкой. А я глотал ром и глядел в океан. Потом приходила вереница французов. Как-то мы гнались за торговцем, он защищался, и меня это почему-то очень разозлило. Может быть потому, что я с утра не имел во рту ни капли рома. После того, как мы взяли их, я построил на палубе всех остав-

шихся в живых – сорок восемь человек, и сам зарубил каждого. А потом нашёл в капитанской каюте прекрасный ямайский ром и одним духом высосал бутылку. Теперь нашинкованные лягушатники таскались передо мной, кое-кто держал под мышкой отрубленные головы. Но я глотал ром и смотрел в океан. И много ещё таких приходило, но лишь малютка-креолка, дочь асьендеро из Гондураса, очередная «жена» Тича... Я перерезал ей глотку, потому что не мог допустить, чтобы над этим ребёнком глумилась толпа мерзавцев. Кстати, с тех-то пор Чёрная Борода и затаил на меня злобу. Но может быть, она не хотела умирать, может быть, хотела жить несмотря ни на что... Я не желал вспоминать её, глотал ром и глядел в океан.

А потом я отвёл взгляд и вот, передо мной сам капитан Эдвард Тич, и глаза его сияли адовым пламенем.

– Здравствуй, шкипер Бонс, – прохрипел он.

– Здравствуйте, капитан, – ответил я, еле ворочая сухим, как столетней давности собачий кал, языком.

Пришлось глотнуть рома, чтобы сказать ещё:

– Удивительно видеть вас здесь.

Он тоже глотнул из невесть как случившейся в его руках бутылки.

– Чему же ты удивляешься, Билли, – из его пасти вырвалось маленькое облачко дыма. – Я всегда остаюсь со своей командой. Разве не я сидел с вами в трюме, когда там тлела сера? И высидел до конца.

Я пожал плечами.

– Это потому что адово пламя вам не в новинку, сэр.

И тут я заметил, что лицо его – лицо Тича, оплыло, плоть слезала с него, один глаз вытек, показалась глумливая улыбка черепа. А второй глаз вспучился и стал как у лесной совы. И в чёрной бородине застряли водоросли и шевелились морские гады. И воняло от него, не как от живого Тича – застарелым потом и перегаром, а как смердит от пролежавшего пару дней на солнышке покойника. И понял я, что это сам чёрт Дейви Джонс пожаловал по мою душу, приняв для этого образ моего капитана. Очень удачный ход с его стороны.

Он понял, что я его узнал.

– Ну что, Билли, – проскрипел он, – вот и пришёл твой час. Твой и твоей вшивой команды.

Дьявол отсалютовал мне бутылкой, глотнул и захохотал, как безумный. Голова его тряслась и дёргалась, словно у Панча.

Я, видать, немного остолбенел. Просто глядел на него, так долго, что стало казаться – сливается он с сиянием океана и окружает мой остров со всех сторон. И всё же он был тут и продолжал надо мной глумиться.

– Ты же всегда знал, что тем и закончится: идти тебе в мой сундук на веки вечные.

Он глядел мне прямо в лицо и ухмылялся, как смерть.

– Ты столько ходил под флагом Тича, но так и не понял, что он обозначает.

Из пустой глазницы выскользнул маленький чёрный краб и спрятался в лохмах бороды.

– Это ведь я на том флаге, – свиный глаз стал бешено вращаться, из пасти опять вырвался дым, – а часы – это ваша жизнь, ваша проклятая жизнь, текущая, как песок сквозь мои пальцы.

Он подобрал горсть песку и показал, как у него течёт моя жизнь.

– А сердце – это ваши сердца, – продолжал он, и дым валил из него, – и я пронзаю их, но не когда вы умираете и идёте ко мне, нет, сэр, я уязвляю их сразу, как вы родились. Я помечаю вас, и никто, никто из вас не может стать иным. Вы мои!

Слова его стали складываться в какой-то дьявольский псалом:

– Ты пойдёшь со мной, и вся твоя команда, в мой сундук, где мокро и прохладно, в вечный покой, да не такой, какой хотели, а какой вам дам в доме моём сыром. Йо-хо-хо, и в бутылке ром!

И тут меня взяла ярость, какой не знал я от юности. Я швырнул в него полупустую бутылку, выхватил саблю и заорал:

– Ты всё лжёшь! Прочь с моего острова!

Я рубил его и орал «йо-хо-хо», а он ухмылялся и изменялся, как дым, и корчился передо мной, пока не исчез, полностью влившись в небольшое чёрное пятно на сиянии океана. Пока я пытался отдышаться, пятно всё росло и обернулось идущим к острову кораблём. То была «Месть королевы Анны», и я подумал, что старый чёрт Тич решил поглядеть, как мы тут посекали друг друга, и когда увидит, что его план не удался, спустит на нас своих псов. Но я, шкипер Билли по прозвищу Бонс, не собирался им уступать – это был мой остров, я купил его у смерти и дьявола, и заплатил дорогую цену. А теперь они дорого заплатят за высадку на него. Я поднял саблю и пошёл к тому месту, куда должна была причалить «Анна». Я запел «йо-хо-хо», и песню подхватили ребята: безумный Луи, скрюченный Пол, Билл Джукс, вокруг изорванной спины которого вились мухи, рыжий Аллардайс, Израэль Хендс и все пятнадцать человек – пьяная команда Сундука Мертвеца.

Но когда корабль подошёл, мы увидели, что с бушприта его свешивается, ухмыляясь оголённой челюстью, обклёванная чайками мёртвая голова капитана Эдварда Тича.

22 ноября 1718 года «Месть королевы Анны» попала в засаду, устроенную лейтенантом Робертом Мэйнардом. В абордажном бою пали Тич и вся его команда. Голову Чёрной Бороды Мейнард приказал повесить на бушприте захваченного судна и отправился за пятнадцатью пиратами, которые, как ему было известно, находились на рифе Сундук Мертвеца. Тринадцать из них были осуждены и повешены, юнга Луи Арот оправдан. Шкипер Билли Бонс ожидал казни, отсроченной, пока он не выздоровеет после ампутации ноги. Однако за это время король решил продлить срок действия амнистии, и Бонса пришлось освободить. Его выслали в Англию, где хромой калека умер в нищете.

Наталия Шипицова ДРАГОЦЕННЫЕ ПЯТАЧКИ

Иллюстрация Григория Родственникова

В шумном кабаке корсарского гнезда Сен-Мало дым стоял столбом, отборная французская ругань смешивалась с диким хохотом. За самым обширным столом шумно отдыхала пёстрая компания молодых и старых моряков. Всех потешал старик с выбитыми передними зубами и огромным шрамом на левой щеке. То и дело между двух тостов звучало:

- Ален, старина, трави следующую! Жизнь пресна без женщин, вина и твоих баек.
- Слышали, как пленники захватывали корабль? А как тонут жадные капитаны, слишком перегрузившиеся добычей?
- Слышали, не томи! Придумай чего поинтереснее.
- Тогда так, – Ален пыхнул прокуренной трубкой, обвел компанию взглядом хитрых глаз. – Спорим, что расскажу историю, которой вы совсем не ожидаете, хотя слышали всякое? Слушатели настороженно притихли, ловя каждое слово шепелявого корсара.

– Было это в Средиземном море, рядом с Сицилией, пытались мы грабить маленькие городки недалеко от Рагузы. Народ там бедный, в основном рыбаки, а дрались, защищая свою нищету, отчаянно, даже убили двоих наших. Команда роптала, то и дело слышались споры:

– Какой смысл грабить злобных и нищих рыбаков?

– Толку никакого, а двоих ребят уже прикончили!

Капитан молча курил трубку и хмурился. В конце концов он собрал всех на сходку:

– Надо подождать! Дело не в рыбацких бочках, а в городских церквях-кьезах, где должно хранится много золота. По моим сведениям, несколько лет назад сицилийские пираты, грабившие африканское побережье и торговые корабли мусульман, оставляли награбленное в кьезах на хранение. Кьезы тут небогатые, кто подумает, что там сокровища хранятся?

Но однажды сицилийцы нарвались. Резня была страшная, тунисцев – или алжирцев? Чёрт их разберёт! – в общем, врагов было много, пощады они не знали. Людей вырезали, корабли потопили. Мы тогда подобрали смертельно раненого сицилийца, он и поделился перед смертью. Известно, что при последнем издыхании не лгут...

Короче, завтра отчалим по соседству, там хорошая гавань. Постоим сутки, загрузимся провизией и водой, выясним в местном кабаке, что там и как. Будем выслеживать церковь!

Матросы молча выслушали, кто-то отвернулся и плюнул на палубу, но возражать не стали, зная крутой и горячий нрав капитана.

Укрывшись в бухте, недалеко от деревушки Сампери, корсары запасались всем необходимым. Немного погодя команда отправилась в местный кабачок разузнать местные новости.

Кабачок был бедный, с небольшим выбором вина и самой распоследней едой – чечевичной похлебкой с хлебом. Хозяин, увидев ватагу крепких, неплохо одетых мужчин, послал жену за окороком-прошутто в подвал. Тёртый перец, он сразу понял, что на этой компании можно неплохо заработать.

– Сеньоры, заходите, пожалуйста! Добро пожаловать, рады вас видеть, – кабачник рассыпался мелким бесом, поминутно кланяясь и сладко улыбаясь до ушей. Матросы заняли несколько столов; хозяин опытным взглядом определил жожака. Это был здоровый темноволосяный мужчина лет сорока, говоривший на итальянском с сильным акцентом.

Угодливый поклон:

– Чего изволите, синьор?

– Подай три литра красного вина, столько же граппы, да закуски самой лучшей, – иностранец кинул на стол золотой дублон.

При виде монеты, хозяин мгновенно вспотел, почуяв удачу. Суетливо подал три кувшина красного вина и три бутылки холодной запотевшей граппы. Его жена успела нарезать прошутто с дыней и хлебом – пир горой по местным понятиям. Подглядывающий в щелку двери хозяйский сынок, заслышав чужую речь, побежал к соседям рассказать, что к ним занесло иностранцев-богатеев. Через четверть часа в кабачке стали появляться любопытствующие; кто-то заходил внутрь, иные застряли в дверях или устроились под окнами.

Молодые иностранные матросы ожидали женщин, но те так и не появились. По дороге в кабачок попались несколько фигур, одетых в чёрное и пугливых, как горные козы, но даже рассмотреть их не было возможности. Французы, плотно и вкусно пообедав, пригласили двоих местных жителей к себе за стол. Угостив вином и едой, стали расспрашивать про жизнь и местные новости. Вожак между делом завёл речь о покровительстве святых в опасном деле судовождения, о вкладах моряков в монастыри, богатых жертвах на украшение церкви:

– Вот как водится у нас во Франции!..

Тронутый благочестием незнакомца, разомлев от дармового питья и еды, разговорился дядюшка Пьетро:

– Храни вас Господь, приятель! А ведь и у нас есть такой обычай. Да вот, недалеко ходить за примером – рядом городок Каза-Аффумато, слышали? Тамошние молодцы месяц назад в кьезу много чего привезли.

Подпивший трепач зашептал на ухо французскому капитану:

– Между нами, друг, все местные церкви берут на сохранение корсарскую и бандитскую добычу за небольшую плату, которую потом пускают – по их словам, конечно – на благотворительность. В этот раз наши молодцы за своими сокровищами не вернуться – нарвались на алжирцев...

И дядюшка Пьетро продолжил в полный голос:

– А городок тот ничего, сытый. Издавна по всей Сицилии славится разведением свиней. Тамошнюю свинину покупают не только соседи, но и много дальше.

Слушая старого болтуна, капитан уточнил как бы невзначай, далеко ли до этого самого Каза-Аффумато, а вскоре ушёл с пятеркой моряков постарше. Молодежь осталась в кабачке, собираясь ещё ужинать и прогуляться.

Судя по разговорам местных, ни городок, ни его церковь серьёзно не охранялись. Поэтому совещание командиров закончилось быстро: утром прийти под видом безобидных паломников, проникнуть в церковь и, прижав священника, забрать сокровища. Потом быстро вернуться на корабль и отплыть куда подальше от Сицилии.

Ночью корсарам кому снилось, кому думалось, о том, что каждый получит на свою долю. Одним хотелось купить дом на побережье и зажить спокойно, другим мечталось весело прогулять все деньги на дорогую выпивку и женщин. Каждому своё!

Толстенький невысокий священник сидел вечером около кьезы и размышлял, как скоро придёт ответ из Сиракуз, центра митрополии. Неделю назад он отправил пиратские сокровища в Рагузу от греха подальше.

«Моя паства – такие болтуны! Не удивлюсь, если всё южное побережье Сицилии знает, что в кьезе хранится пиратское сокровище. Опасно! Что ни говори, но может навлечь беду: народ здесь бедный. Все только и мечтают разбогатеть!»

Но падре лукавил даже перед самим собой; на самом деле он надеялся благодаря этому пожертвованию перевестись в Неаполь или, хотя бы, Мессину.

Он устал от захолустного городка, от жуткого запаха навоза. От исповедей, где говорили только о болезнях, краже или сглазе своих и соседских свиней; от жалоб на плохую продажу свинины, или на то, что жена или муж плохо ухаживают за свиньями.

«Господи, прости мне это неприятие, дай смириться со своей участью!»

Но всё-таки в его душе жила мечта о возвращении в Неаполь, надежда на старости лет пожить рядом с родными, почаще навещать могилу матери... Падре спал и видел, как в самом Ватикане решают перевести его из этого свиного городишки... Ведь есть, за какую заслугу!

...А тем временем по городку Каза-Аффумато двигалась почти вся команда из Сен-Мало. Корсары морщились:

– Ну и вонища! Нашли, где прятать сокровища! В самом что ни на есть дерьме, чтобы никто не догадался!

Увидев рядом с кьезой сидящего на скамеечке священника, капитан обратился к нему:

– Падре, не откажите принять исповедь несчастных грешников!

Священник поднял глаза на капитана и его команду...

«Господи, Иисусе Христе, какие разбойничьи рожи! Дождался, пришли-таки за сокровищами. Хорошо, что успел отправить их в Рагузу!»

– Синьоры, конечно, всех приму на исповедь, всех, но мне надо подготовиться! Минуточку, я вас позову.

Священник нырнул в церковную дверь и закрыл огромный засов.

Къеза была старая, времён арабских завоеваний. Тогда храмы строили как небольшие, но крепкие башни. В ней могли спрятаться до сотни местных жителей, а с запасом воды и еды был шанс продержаться целую неделю. Мощная, окованная железом дверь из старого дуба внушала почтение.

Как только корсары услышали лязганье запора, они поняли, что падре их обманул.

– Ах ты, старый италяшка! Осёл, думаешь, мы тебя не достанем?! Сейчас разобьём окна и залезем внутрь. Тогда тебе не поздоровится! Открывай, не то хуже будет!

Падре размышлял. Если не открывать дверь къезы, то разбойники разобьют древние витражные окна, которые делали пленные сирийцы после второго крестового похода. Их уже не восстановишь, теперь такие мастера витражей есть только на севере Италии и во Франции, в Шартре. Он слишком любил свою церковь, чтобы допустить такое!

«Открою дверь, пусть забирают всё, что у меня есть в къезе, да и дома. А про сокровище расскажу, как есть: отправил в Ватикан!»

Пухленький падре, задыхаясь от волнения и полноты, засеменил к двери. Открыл дверь – и тут же получил сильный удар по голове. Разозлённая ватага разбойников ворвалась в къезу. Корсары принялись переворачивать всё вверх дном, надеясь найти спрятанные сокровища. Время уходило, надо было побыстрее забрать ценности и вернуться на корабль.

Очнувшись на холодном каменном полу, услышав французскую речь, падре понял, кто нагрянул в Каза-Аффумато. Теперь пощады не жди!

– Боже мой, сыне Божий, Иисусе Христе, помилуй меня, грешного!

Слегка приподняв голову, он с ужасом смотрел на погром, устроенный разбойниками.

«Всегда знал, что французы плохие христиане, в гугеноты подались от скверного характера и маловерия!» – думал он, пытаясь спрятаться между рядов стульев.

Но его схватили.

– Где сокровища? – прорычал чернявый верзила.

Падре испуганно захлопал глазами, залепетал:

– Синьор, смилуйтесь! Да, были деньги наших корсаров, но неделю назад я отправил их в Ватикан, на благотворительность, на выкуп пленных христиан у мусульманских злодеев!

– Что он там лопочет, капитан? Может, его надо пытать? – разбойники окружили обоих.

– Подождите, – ответил капитан. – Сам его допрошу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.